



ХУДОЖНИЦА
ПРОКЛЯТИЙ

ДЖОРДАН
РИВЕТ

Джордан Ривет

Художница проклятий

Серия «Young Adult. Маги искусств»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64802927

Художница проклятий / Джордан Ривет ; [перевод с английского А.

Онищук].: Эксмо; Москва; 2021

ISBN 978-5-04-120600-0

Аннотация

Одной лишь кистью Брайер может заморозить, проклясть, покалечить и даже убить... Впервые она отняла жизнь, когда ей было всего одиннадцать. Но больше это не повторится. Девушка не желает распоряжаться чужими судьбами и поэтому решает уйти от самых близких людей, для которых чья-то жизнь – это просто пятно краски.

Теперь Брайер торгует мелкими проклятиями и мстью, но всегда с одним условием: её магия будет вредить только тому, кто действительно это заслужил. Так она оказывается вовлечена в авантюру талантливого вора по имени Арчер, который нанимает художницу, чтобы спасти похищенную дочь лорда Бардена.

Но когда Брайер и Арчер оказываются в шаге от успеха, прошлое девушки ставит их жизни под угрозу. Сможет ли художница проклятий изменить своё предназначение или магия тёмных искусств способна только разрушать?

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	20
Глава 3	41
Глава 4	59
Глава 5	80
Глава 6	101
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Джордан Ривет

Художница проклятий

Jordan Rivet
Curse Painter

Copyright © 2020 year of publication by Jordan Rivet

© Онищук А., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО
«Издательство «Эксмо», 2021

Эта история начинается с проклятия. С маленького проклятия, которое было недостаточно сильным, чтобы покалечить врага или разрушить чью-то жизнь. Представители власти не потрудились бы привлечь к ответственности за такое проклятие, если в текущем месяце у них был бы выполнен рабочий план. Такое проклятие даже не смогло бы нарушить сон своего создателя, заставив его просыпаться по ночам в холодном поту из-за того, что он привнес в мир чуть больше зла. По крайней мере, то маленькое проклятие не должно было быть именно таким.

К сожалению, когда дело касается ремесла, целью которого является наполнение мира крупными злами, иногда даже при наличии наилучших намерений все может пойти напе-

рекосяк.

Глава 1

Жесткая кора царапала ноги Брайер, пока девушка лезла вверх по клену, растущему рядом с самым красивым домом в деревушке Спэрроу. Сумка с красками висела у нее на бедре, и в ней едва слышно позвякивали стеклянные баночки. Брайер старалась не смотреть вниз. Земля уже и так осталась довольно далеко внизу.

Из леса, находящегося за поместьем, поползли послеполу-денные тени, которые поглотили конюшни и устремились к выбеленному дому. Брайер затаила дыхание, карабкаясь мимо дорогих стеклянных окон. Обитатели дома, в том числе и слуги, пока еще не вернулись с летней ярмарки. Брайер надеялась, что дома никого нет и не будет, пока она не закончит свое дело.

Она ползла по сучковатой ветке, торчащей на уровне второго этажа дома. Ветка поскрипывала, а купол из листьев угрожающе шелестел. Стараясь не обращать внимания на звуки, Брайер обвила ноги вокруг ветки, открыла баночку с краской цвета красной охры и выбрала кисть с длинным древком из свертка, который достала из сумки. После этого она оперлась на крытую глиняной черепицей крышу и принялась за кропотливую работу по созданию проклятия.

Образ красивого дома с остроконечной крышей вырисовывался мазок за мазком. Масляная краска блестела на ки-

сти из конского волоса, оставляя контрастные пятна цвета охры на выбеленных досках. Знакомый запах льняного масла успокаивал нервы Брайер, и она расслабилась за работой. Брайер долго практиковала сложный рисунок на холсте, чтобы избежать ошибок. Каждое движение кистью требовало точности и твердой руки, и чем дольше Брайер балансировала в неустойчивом положении между небом и землей, тем сложнее ей было работать.

Девушка не планировала лезть на дерево, чтобы выполнить свою работу. Она заметила лестницу, когда несколько дней назад исследовала местность, и задумала нарисовать проклятие под тенистым сводом крыши. Если бы Брайер нарисовала проклятие слишком близко к земле, то его бы заметили садовники и стерли краску до того, как сглаз возымел бы эффект. И, более того, обитатели дома поняли бы, на ком лежит ответственность. Брайер уже и так дала местным властям слишком много причин не доверять ей. К сожалению, лестница исчезла, когда девушка пришла выполнить свое дело, и единственным запасным вариантом стало кленовое дерево, сильно клонившееся в сторону дома.

Пока Брайер рисовала, мелкие сучья кололи ее бедра через зеленую шерстяную юбку, а ветки путались в ее густых волосах. Девушка цеплялась за черепичную плитку, стараясь игнорировать головокружительное расстояние до земли. Рисование проклятий требовало концентрации. Проклятие, которое Брайер рисовала сегодня, было далеко не самым

опасным из тех, что она знала, но она не могла позволить себе допустить ни единой ошибки.

Она закончила очертания дома и при помощи кусочков голубой смальты¹ добавила окна, примерно повторяя расположение окон в реальном доме. Проклинать предметы всегда было проще, чем проклинать людей. Для того, чтобы повлиять на человека, Брайер нужно было рисовать предмет одежды, который тот часто носил, или довольно долгое время удерживать проклятый холст или камень в соприкосновении с кожей, чтобы заклятие смогло задержаться. Быть пойманным в таких случаях было слишком легко, но многие проклятия можно было накладывать прямо на неодушевленные объекты, при условии, что Брайер могла добраться до них, не сломав себе шею.

Сегодняшнее проклятие никому не навредит, и оно было одним из самых интересных магических творений, над которыми довелось работать Брайер за последние месяцы, а опасное положение в метрах от земли делало это задание еще более волнительным. Кровь в венах Брайер горела, а в ее пальцах пульсировала магия и ощущалось легкое покалывание от накатившей волны вдохновения. Проклятие получится что надо. Брайер это чувствовала.

Местный кузнец сомневался в ее способностях, когда нанимал для работы. Клиенты Брайер редко верили в то, что она оправдывала свою репутацию, когда видели ее заляпан-

¹ Смальта – цветное непрозрачное стекло для мозаичных работ.

ные руки и скромную одежду.

– Я слышал весьма противоречивые вещи о тебе и твоей... профессии, но ты выглядишь слишком уж юной, – сказал кузнец во время их тайной встречи в кузнице неделю назад. – Ты, правда, можешь помочь?

– Скорее всего, – Брайер откинула от лица свои темные длинные волосы, готовясь броситься бежать при любом намеке на то, что это западня. С подобным она сталкивалась уже не в первый раз. – Я слышала, вы хотите проклясть господина Уинтона.

– Да, да, торговца. Я потратил пять недель на чертовы доспехи по его заказу, а он отказался заплатить справедливую цену. Он заявил, что доспехи недостаточно изящно украшены. А ведь мне детей нужно кормить.

– Вы ходили к шерифу?

– К этому бездельнику? – кузнец сплюнул в кучу пыли рядом с наковальней. – Они с Уинтоном близкие друзья.

Брайер достала из сумки кисть из конского волоса и стала крутить ее между пальцами, ворс щекотал ее влажную ладонь.

– Где сейчас находятся доспехи?

– Они выставлены в особняке лорда Бардена, – кузнец с опаской покосился на кисть. – Уинтон утверждал, что они гроша ломаного не стоят, а потом лично преподнес их его светлости в качестве чертова подарка. А я теперь без денег и без стали.

– И вы хотите отомстить?

Кузнец бросил взгляд в сторону ярко освещенной летним солнцем дорожки, ведущую к кузнице, и понизил голос:

– Это не просто ради меня, понимаешь. У меня есть дочка. Я хочу показать им, что мы не должны позволять богатым мерзавцам издеваться над нами. Пусть не думают, что это им сойдет с рук.

Брайер обратила внимание на потертые брюки кузнеца и его залатанные сапоги. На двери кузницы висел венок из полевых цветов, лепестки которых увядали от жары. Брайер представила себе маленьких девчушек, которые рвали цветы и неуклюже сплетали их вместе, чтобы украсить рабочее место отца. Дочки кузнеца зимой будут недоедать из-за жадности Уинтона. Брайер любила браться за работу, которая помогала обычным людям если не добиться справедливости, то, по крайней мере, воздать обидчикам по заслугам.

Брайер заложила кисточку за ухо и протянула кузнецу руку:

– Договорились. Расскажите мне про дом господина Уинтона.

Кузнец поведал о том, что особняк расположен на просторном участке прямо у Чистого леса. Дом был высотой в два этажа, венчался дорогой глиняной черепицей и имел окна из прозрачного стекла. И, судя по всему, приставным лестницам рядом с ним было не место.

С каждой минутой сидеть на клене становилось все менее

и менее удобно. Брайер переключилась с голубой смальты на малахитово-зеленую и начала добавлять лозы к изображению. Она обвивала ими нарисованный дом, делая их толстыми, как ветви плюща, и добавляя по всей длине яркие цветы в ключевых точках. Проклятие сделает так, что смола, защищающая дом от влаги, начнет медленно разрушаться. В самые холодные зимние месяцы крыша станет течь, и ветер будет завывать в щели. Благодаря Брайер господин Уинтон получил по заслугам, хотя тот и никогда не узнает, что все его беды были результатом его же неблагочестивых поступков.

Брайер гордилась утонченным коварством проклятия, но на прорисовку перепутанных лоз уходило слишком много времени. Ей нужно было подготовить более простой в исполнении дизайн. Руки девушки болели, опираясь о крышу, а расстояние между деревом и стеной, казалось, увеличивалось с каждым мазком. Брайер начала потеть, отчего кисть то и дело норовила выскользнуть у нее из пальцев.

Взяв перерыв, чтобы открыть баночку с желтой охрой, Брайер заметила какое-то движение краем глаза и замерла. Кто-то был здесь.

Нет. Только не сейчас. Она задержала дыхание, борясь с невыносимым желанием броситься наутек. Ее ни в коем случае не должны были поймать, но она также не могла позволить себе оставить проклятие незавершенным. Без последнего штриха маленький рисунок под черепицей будет не бо-

лее чем миленькой картинкой.

Брайер выглянула из-за густой кленовой листвы, боясь даже глазом моргнуть. Засаженная травой лужайка между особняком и лесом была пустынна, если не считать надвигающиеся послеполуденные тени. Тем не менее, Брайер чувствовала, что за ней кто-то наблюдает.

В конюшне фыркнула лошадь, на деревьях трещали сороки, но больше Брайер не заметила никаких других движений и звуков.

Говоря себе, что она всего лишь испугалась теней, Брайер вернулась к работе. Баночки звякали в сумке, пока Брайер меняла желтый цвет на красный, чтобы можно было добавить на лозы побольше цветков. Рисование проклятий требовало определенной последовательности мазков, и художница не могла себе позволить торопить процесс, однако ее кисть постоянно соскальзывала, пока Брайер меняла цвет краски из своего неудобного положения. Девушка взяла кисть в зубы и посильнее сжала ногами сук, на котором сидела, чтобы можно было держать баночку с карминовой краской двумя руками. Крышка не поддавалась. Мелкие ветки еще сильнее впились в бедра девушки, пока та пыталась сохранить равновесие на массивной ветке дерева.

Снова движение, мелькание синего. На этот раз тени приняли очертания и форму. Воображение Брайер вовсе не играло с ней злую шутку. Кто-то стоял рядом с конюшней Уинтона. Сквозь листву девушка смогла разглядеть фигуру вы-

сокого человека в куртке цвета индиго, и этот человек смотрел прямо на нее.

Сердцебиение Брайер участилось, ее конечности задрожали, отчего удерживаться на месте стало еще сложнее. Девушке хотелось соскочить с дерева и броситься бежать, но она не знала, как отреагирует незнакомец. Брайер пристально глядела на человека, оставаясь такой же неподвижной, как воробей перед кошкой.

Секунды шли. Высокий незнакомец находился возле конюшни. Копна его светлых волос была видна даже в тени. В руке он держал что-то длинное и тонкое.

Может, это садовник господина Уинтона? Торговец был неприятным человеком, если верить словам кузнеца, но неужели его наемный рабочий будет просто стоять в бездействии, позволяя художнице нанести порчу на своего хозяина? Садовник ничего не знал о намерениях Брайер, а ведь она могла планировать сжечь дом дотла вместе со всей семьей.

Ноги Брайер дрожали так сильно, что сотрясали ветви. Если она будет продолжать в том же духе, она привлечет внимание прохожих. Брайер ничего не могла поделать по поводу присутствия незнакомца. Ей нужно было закончить работу.

Баночка с карминовой краской, наконец, открылась. Брайер торопливо нанесла последние мазки проклятия и испортила пару цветков. Она быстро поправила их при помощи твердой стороны кисти. Пот капал со лба Брайер вниз на

землю. Еще один лепесток, и проклятие будет завершено.

Брайер обмакнула кисть в карминовую краску и поднесла ее к стене. Сук, на котором сидела девушка, закрипел, когда художница потянулась вперед, к самому дальнему уголку рисунка, чтобы добавить последний штрих.

Внезапно незнакомец выступил из тени. Он держал в руках большой лук, заложив в него стрелу. Движение напугало Брайер, и ее рука соскользнула, оставляя длинный красный след поперек рисунка проклятия. Девушка ахнула и лихорадочно потянулась за другими красками, чтобы замазать ошибку. Прежде чем Брайер успела все исправить, раздался громкий треск, и ветка под ней надломилась. Листья и ветки хлестали девушку по лицу, пока она падала с дерева. Брайер больно ударилась о землю. Баночки с краской превратились в осколки.

Запыхавшаяся и шокированная, Брайер смотрела вверх на покачивающиеся ветки. Она упала. Она в самом деле упала. Листья парили над ее головой, плавно кружа в порывах летнего ветерка.

«Хватит уже валяться! Тебя же точно поймают!»

Втянув носом воздух, Брайер заставила себя сесть. Ее юбка была испачкана краской и усыпана кусочками битого стекла. Пока она стряхивала осколки, ее запястье пронзила острая боль. Левая рука Брайер приняла на себя основной удар при падении. Девушка попыталась сделать круговое движение кистью руки и тут же содрогнулась. Брайер стиснула зу-

бы, пытаюсь справиться с приступом тошноты; перед ее глазами заплясали черные мушки.

Если рука была сломана, Брайер не сможет работать в течение нескольких месяцев. Она не могла позволить себе получить такого рода травму. Она лишится дома и всего того, что смогла построить на обломках своей старой жизни. Брайер корила себя за то, что не бросила рисовать при первом же признаке опасности.

Скрипящий звук напомнил Брайер о том, что ее четко продуманное проклятие теперь было испорчено широкой красной полосой, идущей поперек рисунка. Особняк издал протяжный зловещий стон. Девушка порылась в своих знаниях по искусству рисования проклятий, пытаюсь понять, какую роль сыграет последний размашистый мазок и как скоро. Каждое движение кисти имело значение, и это...

Скрип повторился громко и настойчиво. Брайер, понимая, что вот-вот произойдет, подскочила на ноги. У нее осталось мало времени. Брайер собрала по возможности как можно больше разбитых баночек, при помощи здоровой руки сгребая перепачканное масляной краской стекло в свою сумку, после чего бросилась прочь от дома. При беге боль в пострадавшей руке стала сильнее, и глаза девушки наполнились слезами.

Незнакомец в куртке цвета индиго отступил в тень, когда Брайер промчалась мимо него. При более близком рассмотрении он оказался юношей с высоким лбом, резко очерчен-

ной линией рта и темными изогнутыми бровями. Юноша не стал поднимать лук и даже не попытался ее остановить.

Брайер добежала до спасительного укрытия леса как раз в тот момент, когда ревущий, визжащий звук спугнул сорок из их гнезд. Художница оглянулась.

Особняк раскачивался. Двухэтажное строение из побеленного дерева и тонкой глиняной черепицы колыхалось, как чистое белье на сильном ветру. Железные гвозди начали один за другим выскакивать из досок, исчезая в высокой траве вокруг дома.

«Не надо».

Еще больше гвоздей выпало и разлетелось по сторонам.

«Пожалуйста, нет».

Но было слишком поздно. Последний гвоздь покинул свое место, и дом издал стон, будто умирающее животное. Стены прогнулись, стекла в окнах полопались, глиняная черепица с треском сыпалась вниз. Затем вся конструкция рухнула с оглушительным грохотом.

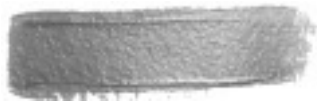
В небо взвилось облако пыли, а по траве рассыпались щепки. Брайер села на корточки позади старого дремучего дуба, и ее охватил ужас. Этого не может быть. Сороки кружили над головой, крича и ругаясь с безопасного расстояния.

Пыль медленно рассеивалась, обнажая урон от неудачного проклятия. Где-то за конюшной незнакомец низко засветел. От дома не осталось ничего, кроме груды обломков, лежащих рядом с победоносно возвышающимся кленом.

С губ Брайер сорвался всхлип. Она так старалась, чтобы обустроить здесь новую жизнь и начать все с чистого листа, избегая смертельных проклятий. Да, ее работа была вне закона, но она пыталась не причинять никому вреда. Брайер даже посмела надеяться, что сможет искупить вину за все то, что делала раньше. Теперь же все ее усилия были напрасны, и она привлечет к себе ненужное внимание. Возможно, слухи о ней дойдут даже до тех людей, которых она оставила в прошлой жизни.

Нет. Брайер отказывалась даже думать о такой вероятности. Она снова пустится в бега. Она снова начнет все с начала тысячу раз, лишь бы прошлое не настигло ее.

Стараясь ничего не коснуться одеждой, испачканной краской, Брайер прижала сумку к груди и скрылась в чаще леса.



Арчер вышел из тени конюшни и с восхищением уставился на руины. Он никогда прежде не видел, чтобы художник проклятий работал так скрупулезно, да еще и находясь в пяти метрах от земли. Что уж говорить о столь эффектном результате. Благодаря действию проклятия ни одна выбеленная доска, ни одно оконное стекло не остались целыми.

Великолепный особняк Виллема Уинтона выглядел намного лучше, когда был раздроблен на мелкие кусочки. Арчер гадал, в чем же провинился старый обманщик, что худенькая девушка решила наложить проклятие, которое стерло целый дом с лица земли.

– Не все ли равно, почему она это сделала? – Он закинул свой лук на плечо под лихим углом. – Работа была выполнена великолепно.

До Арчера дошли слухи, что где-то в этой местности живет художница проклятий, но он даже не думал, что встретит ее именно здесь. Он всего лишь хотел совершить обычное небольшое ограбление, раз уж оказался в этом районе. И вот, вместо золотых подсвечников и драгоценностей госпожи Уинтон, Арчер наткнулся на кое-что более ценное. Эта девушка могла стать решением всех его проблем.

Он повернулся в сторону леса и пронзительно свистнул. Огромный пес на всех парах несся среди деревьев, и тени плясали на его короткой серой шерсти. Арчер присел рядом с псом и почесал складки на его шее.

– Что думаешь, Шериф? Сможешь выследить ее для меня?

Пес заскулил и потерял свою морщинистую голову о колени Арчера, размазывая слюни по брюкам юноши, после чего подбежал к клену и стал принюхиваться к осколкам баночек с краской в поисках запаха, принадлежащего девушке.

Арчер поднял большой осколок стекла, покрытый зеле-

ной краской, и спрятал его в карман. Художница проклятий работала с поразительной скрытностью и осторожностью, по крайней мере, до конца. Арчер заметил ее, сидящую на дереве, только когда в ее светящихся глазах отразился свет и она посмотрела на него, как большая кудрявая сова. Она явно обладала невероятной силой.

Пес посмотрел вверх, в ожидании команды хозяина на-вострив уши, отчего они стали похожи на наконечники стрел.

– Ты готов, Шериф? Давай поймаем ее.

Шериф взвыл и рванул в заросли деревьев. Арчер трусцой побежал за ним, скрывшись в лесу еще до того, как кто-нибудь решит разузнать, чем вызван шум в самых красивых руинах деревушки Спэрроу.

Глава 2

Сердце Брайер бешено билось, пока она мчалась сквозь Чистый лес, стараясь как можно быстрее убраться из деревни. Лес, кажется, пытался всячески помешать девушке. Она цеплялась юбкой за кусты ежевики, спотыкалась о корни, которые подобно змеям расползались по тропинке. К тому времени как Брайер достигла Хрустальной реки, ее ворот насквозь пропитался потом, а в кудрявых волосах запутались колючки.

На мосту девушка едва не столкнулась с шерифом и парой вассалов лорда Бардена. Они остановились покурить, параллельно обсуждая какую-то распутную девицу из таверны, и тем самым перекрывали единственный путь на противоположный берег. До того как мужчины заметили ее, Брайер успела нырнуть за брошенную кем-то повозку, надеясь, что они не услышат, как она пытается отдышаться после своего безумного забега через лес.

Размеренный ропот мужских голосов смешивался с журчанием реки. Дым клубился над их головами, нервируя Брайер. Почему эта троица была не на летней ярмарке? Шериф Флинн никогда не упускал случая поважничать перед толпой, да и вассалы местного лорда ему в этом не уступали, наслаждаясь вальяжной прогулкой среди народа в своих уродливых мундирах горчичного цвета.

– Ну же, – едва слышно произнесла Брайер, в беспокоестве оттягивая свою перепачканную краской рубашку. – Двигайтесь куда-нибудь.

Капли пота текли по шее Брайер, ее травмированное запястье болезненно ныло. В любой момент она ожидала, что поднимется шумиха. Нужно было продолжать двигаться вперед.

Когда тройца, наконец, вытряхнула пепел из своих курительных трубок и неторопливо зашагала в сторону деревушки, Брайер рванула через мост и далее, по дороге, идущей по противоположному берегу реки. Девушка не смела оглядываться до тех пор, пока не достигла небольшой хижины в лесу, которую она арендовала последние несколько месяцев. Брайер замерла возле садовой калитки, прислушиваясь, нет ли погони. Дорога, оставшаяся позади, продолжала оставаться пустой. На ней не было ни разгневанного владельца особняка, ни деревенского люда с вилами. Среди деревьев пронесся легкий ветерок, который приподнял тонкую деревянную стружку, разбросанную возле поленницы. Пока что Брайер была в безопасности.

Девушка прошла через сад к домику, сложенному из грубых бревен и укрытому соломенной крышей. Брайер открыла дверь и втянула в себя знакомый и такой родной аромат масляной краски, древесного дыма и сухой соломы. Напряжение в теле Брайер несколько ослабло. Она обожала свой домик. В нем была всего одна комната, обставленная скуд-

но и без всякого изящества, однако девушка чувствовала себя в ней уютно и хорошо, в отличие от роскошных покоев, в которых она провела свое детство. Маленькая хижина была первым местом, где Брайер смогла понять, что у нее есть шанс не просто хорошо жить, а быть хорошим человеком. Сердце художницы разрывалось от того, что ей, возможно, придется покинуть этот маленький домик.

Встревоженная звуком копыт, Брайер спрятала под кровать разбитые баночки с краской и испорченную сумку, после чего стянула с себя рубашку, испачканную пятнами краски. Морщась от боли в запястье, девушка спрятала рубашку в плетеную корзину с тряпьем, стоящую рядом с единственным во всем доме стулом, и надела белоснежно-белую блузку, как бы в попытке показать, что сегодня днем она вовсе не рисовала разрушительными красками. Брайер обмотала поврежденное запястье несколькими обрезками ткани, зубами помогая завязать себе узел.

После этого Брайер проверила свои средства обороны – маленькие баночки с краской и кисти, толщиной с палец, были предусмотрительно рассованы по всему дому на всякий случай. Кое-что лежало под неудобной подушкой, в камине и за притолокой входной двери. Брайер вытащила пару деревянных перекладин из спинки стула и спрятала их тоже. Согласно Закону Целостности, первому из трех законов проклятой живописи, проклятие, нанесенное на объект, будет влиять на него полностью, независимо от того, были

ли части этого объекта затронуты во время живописи. Точно так же, как проклятие, нанесенное на одну из обшивочных досок, могло разрушить весь дом, проклятие, нанесенное на часть стула, сможет подействовать на стул на расстоянии, при условии, что части предмета не были разделены достаточно долго, чтобы перестать считаться одним целым. Брайер частенько доставала перекладины у своего стула, если ей нужно было быть готовой, чтобы запустить целый стул в неприятеля.

Девушка выглянула в окно рядом с входной дверью, прячась за занавеской. Дорога, ведущая к хижине, была пуста. Заходящее солнце купало лес в красных и желтых тонах, к которым постепенно примешивался темно-синий. В скором времени тени сольются с непроглядной ночной темнотой.

Получится ли у Брайер уйти от ответственности за то, что произошло ранее? Удача редко была на ее стороне, но тот незнакомец в куртке цвета индиго не помешал ей скрыться, да и представители исполнительной власти вряд ли смогут связать Брайер с господином Уинтоном и его разрушенным особняком. Пока кузнец держит язык за зубами, никто Брайер даже не заподозрит. В своей жизни Брайер не портила ничего крупнее телеги с элем где-то на территории графства Барден, да и она была не единственной художницей проклятий, способной разрушить целый дом. Только вот, не каждый маг может повернуть подобное. Если бы все произошедшее не было абсолютной случайностью, Брайер испытывала бы

гордость за свою работу.

Брайер опустила занавеску и вытащила на середину комнаты мольберт с незаконченной картиной на холсте. Иногда девушка писала безобидные картины и дарила их, чтобы никто не задавался вопросом, почему она покупает так много пигментов, а ее рукава вечно забрызганы краской. Некоторые жители деревушки Спэрроу уже знали, кто она такая, и Брайер старалась делать так, чтобы им было легче закрывать на это глаза. Ей очень хотелось остаться жить в своем маленьком домике и перестать, наконец, бежать от прошлого.

Рисование проклятий как ремесло не было чем-то запрещенным по своей сути, но, как и любая форма магии, оно подвергалось жесткому регулированию. Маги должны были в обязательном порядке учиться в дорогих школах и регистрироваться в Совете Плащей, для чего нужно было ехать в далекий Верхний Люр. Если маги успешно проходили обучение, они получали лицензию и татуировку, которая позволяла отслеживать каждую наведенную порчу и каждое завершенное заклинание. Художники проклятий обычно нанимались для сноса старых построек, добычи полезных ископаемых и ведения войны. Целебные и сонные проклятия также могли быть источником неплохого заработка при условии, что они не противоречили другим законам, которых было великое множество. Не удивительно, что с огромным количеством ограничений художники проклятий, маги голоса, предсказатели судеб и даже редкие таланты вроде заклинате-

лей камней предпочитали работать непосредственно на корону и высшее дворянство.

Тем не менее, нелицензированные маги всех направленностей все равно появлялись и за гроши творили незаконную магию, каждый раз рискуя понести наказание за свою работу. Маги голоса могли избежать чрезмерного внимания к себе, продавая целебные заклинания и проворачивая магические трансформации садов и огородов, до предсказателей будущего вообще почти никому дела не было, а вот проклятия имели отрицательный заряд по своей природе. Неважно, хотел ты превратить дом в груды щепок или навредить сопернику в любовных делах, художнику проклятий было очень просто выйти за рамки закона. Нелицензированные художники проклятий могли избежать внимания к себе только в других графствах, в общем-то, именно поэтому Брайер и перебралась в эти края. Она хотела начать все с чистого лица и спрятаться.

Брайер снова выглянула в окно. Темнота быстро сгушалась. Огромная собака выскочила из сумерек и принялась к поленнице возле дома. Собака была почти такая же огромная, как волк. У нее были мощные плечи и глубокие складки на приплюснутой морде. Хозяина собаки нигде видно не было, и она в скором времени убежала прочь.

Брайер опустила занавески и пошла вешать чайник над медленно тлеющими в камине углями. Чашка чая поможет ей успокоить нервы, и Брайер сможет решить, какие шаги ей

следует предпринимать дальше. Господин Уинтон наверняка передаст шерифу Флинну список всех своих недоброжелателей. Художнице придется с утра пойти к кузнецу и предупредить его об этом. Сегодня вечером она не могла рисковать и идти в деревню.

Разжигая огонь, Брайер представляла себе переполох, который, должно быть, к этому моменту поднялся на месте происшествия. Ей нужно было рисовать проклятие поменьше, чтобы даже в случае ошибки урона было бы меньше. Брайер чувствовала магию в кончиках пальцев и горячую необходимость в созидании, поэтому сильно увлеклась. Она испытывала практически непреодолимую потребность в разрушении, и это беспокоило ее даже больше, чем вероятность быть пойманной. Девушка сбежала от своей прежней жизни, но часть ее все равно осталась с ней.

Чайник засвистел, и Брайер сняла его с огня. До того, как девушка успела налить себе чай, во входную дверь постучали.



Арчер постукивал ботинком по каменной ступени крыльца дома художницы проклятий. Дом не был похож на место, где создавались какие-нибудь нелегальные проклятия. Эту

лачугу вообще с натяжкой можно было назвать домом. По обе стороны двери располагались похожие на глаза окна с зелеными занавесками. Соломенная крыша немного нависала над дверью, словно прядь волос, падающая на лоб приземистого тролля.

Ухоженный садик рядом с аккуратной поленницей говорили о том, что обитательница домика старалась содержать свою обитель в чистоте, но при этом явно не располагала деньгами. Она наверняка не сможет отказаться от предложения Арчера. Он намеревался сделать художницу проклятий богаче, чем она могла бы мечтать... Конечно, при условии, что она откроет ему дверь.

Арчер прислонил свой лук к стене и снова постучал. Позади зеленой занавески мелькнуло какое-то движение, что-то похожее на темные волосы и белую ткань.

– Эй, там! – крикнул юноша. – Я знаю, что вы дома.

За дверью раздался звук осторожных шагов. До Арчера вдруг дошло, что художница проклятий, возможно, готовится навести на него порчу.

– Я пришел с миром, – быстро добавил он. – Мне бы хотелось с вами поговорить.

Ответа не последовало. Неужели она всерьез думала, что сможет притвориться, что ее нет дома? У Арчера было важное дело, требующее обсуждения. Он не мог тратить время на игры.

– Я могу вернуться позже, – сказал он в закрытую дверь. –

Скорее всего, вместе с шерифом Флинном или с парой олухов лорда Бардена. Уверен, им будет очень интересно знать, что я видел сегодня днем возле дома Виллема Уинтона. Точнее, возле того, что раньше было его домом.

Краткий миг тишины, затем дверь со скрипом приоткрылась, и за ней появилась пара светящихся карих глаз.

– Что вам нужно?

– Добрый вечер, – Арчер сделал поклон, достойный герцогини. – Меня зовут Арчер. Я опытный вор и разбойник. Я служу клинку, монете и открытой дороге. Я пришел, чтобы предложить вам возможность освободиться от ваших неблагоприятных обстоятельств и отправиться в приключенные всей вашей жизни.

Девушка уставилась на него огромными блестящими глазами. Арчеру стало не по себе от того, что его так пристально разглядывают.

– Вы всегда так открыто говорите людям о том, что вы вор? – наконец спросила она.

– А вы разве не говорите им, что являетесь нелегальным художником проклятий?

– Умоляю, не говорите это так громко, – в голосе девушке слышалось отчаяние, хотя вокруг не было ни души. Этому способствовало расположение хижины на более тихом берегу Хрустальной реки.

– Я здесь не для того, чтобы навредить вам, – сказал Арчер. – Я уже давно ищу для работы человека с вашего ро-

да талантом, и, должен заметить, ваша кандидатура – самая подходящая.

– Я не работаю на преступников, – она начала закрывать дверь.

Арчер просунул носок своего сапога между дверью и косяком. Он недооценил силу девушки и скривился от боли, когда дверь едва ли не перерубила ему стопу.

– Прошу меня извинить, мисс, – сказал Арчер, чувствуя, как его глаза наполняются слезами от боли, – но вы сами разве не преступница?

В плохо освещенной хижине снова воцарилась тишина. Арчеру казалось, будто он разговаривал с парящей в полумраке парой глаз.

– Я беру клиентов только при особых обстоятельствах.

– В таком случае, может, вы послушаете рассказ о тех обстоятельствах, которые меня сюда привели?

Девушка громко скрипнула зубами.

– Если перестанете говорить об этом на пороге, – она убрала руки с двери и отступила назад. – Проходите.

Арчер удивился. Впускать в дом незнакомого человека было рискованно даже для сонной маленькой деревушки. Однако когда Арчер согнулся, чтобы пройти под низкой притолокой, он понял, что у художницы в руках находится металлический чайник, из носика которого идет едва видимый пар. Арчеру повезло, что девушка не бросила этот чайник ему в лицо, когда он просунул ногу в дверь.

Свет от потрескивающего камина позволил Арчеру лучше разглядеть художницу проклятий. Несмотря на свой невысокий рост, она была не так уж юна, как ему сначала показалось. Ей было лет восемнадцать-девятнадцать, то есть всего на несколько лет младше самого Арчера. В том, как девушка себя держала, ощущалась зрелость, которую он не заметил, пока девушка лазила по кленовому дереву. На ней были белая блузка и зеленая шерстяная юбка. Волосы опустились девушке на плечи подобно пушистому облаку.

Внутри хижины была всего одна комната, в углу которой стояла застеленная стеганым одеялом кровать, маленький столик и стул со спинкой, у которой не хватало нескольких перекладин. В центре небольшого помещения стоял большой мольберт с незаконченной картиной на холсте. Вдоль стен стояли другие картины, и в неярком свете камина трудно было разглядеть, что на них изображено.

Арчер решительно подошел к мольберту. На картине был изображен деревенский пейзаж с маленьким фермерским домиком, стоящим на краю пшеничного поля. Это была ничем не примечательная работа, если учесть то, что девушка смогла сотворить ранее сегодняшним днем.

– Что делает эта картина? – спросил он, изучая зеленые и золотистые полосы.

– Она ничего не делает. Это просто картина.

– Интересное хобби, – Арчер окинул взглядом комнату, мысленно отметив для себя огромный закрытый сундук у

стены, находящейся напротив входной двери, и стоящую у стула корзину с тряпьем.

Арчер в считанные секунды мог бы найти все самое ценное, что можно было украсть, хотя поживиться здесь явно было нечем.

– Вот уж не думал, что вы не боитесь говорить людям о том, чем занимаетесь.

– Я и не говорю. Мне же нужно как-то оправдывать то, почему я так часто покупаю краски. Послушайте, мистер Арчер, мне бы не хотелось вам грубить, но, может, вы уже скажете, что вам от меня нужно?

– Скажу в свое время. Вы же работаете без лицензии, верно? Или вы снесли тот особняк, получив благословение от короны?

– Это был частный заказ, – девушка подошла к столу, стараясь сохранять между собой и Арчером максимальную дистанцию. Она поставила горячий чайник на столешницу, и юноша заметил, что ее рука замотана тряпками. Возможно, она получила травму, когда упала с дерева? Арчер надеялся, что это никак не скажется на ее способности работать.

– Именно это я надеялся услышать. И в этих краях вы не связаны ни с кем из местных земле- владельцев? Не клялись в преданности никакому доблестному сэру?

– Я не служу никаким лордам.

Арчер усмехнулся, услышав свирепость в ее голосе.

– Думаю, вы мне идеально подходите.

– Я ни на что не соглашусь, пока вы мне не скажете, что вам нужно, мистер Арчер.

– Просто Арчер. А как звать вас, мисс Художница?

Она запнулась на секунду.

– Брайер.

– Фамилии нет?

– И семьи нет.

Между ними воцарилось молчание, когда она подняла на него взгляд.

– Как я уже говорил, мне кажется, что вы мне идеально подходите, – он широко ей улыбнулся и раскинул руки. – Давайте перейдем к обсуждению дела?

Брайер вздохнула.

– Не желаете чаю?

Несколько минут спустя, Арчер устроился на единственном стуле, закинув ногу в блестящем черном ботинке на колени. Девушка сидела, скрестив ноги на узкой кровати, и юбка художницы плотно обтягивала ее бедра. Они пили мятный чай из глиняных чашек, пока Арчер объяснял суть миссии.

– У лорда Бардена, господина и защитника этого честного края, есть дочь, милейшая леди Мэй. Несколько недель назад леди Мэй была похищена, пока каталась на своем любимом пони. Абсолютно естественно, что лорд Барден отчаянно желает знать, где же находится его дочь.

– Я что-то об этом слышала, – Брайер откинулась назад,

чтобы прислониться спиной к стене, и положила рядом с собой свою травмированную руку. – Она юна, так ведь?

– Юна и красива. Ее похищение стало поводом для многочисленных сплетен.

– На рынке поговаривали, что ее похитили бандиты, – сказала Брайер. – Разбойники, такие же, как вы.

– Таких, как я, не бывает, – возразил Арчер, подмигнув ей.

Брайер никак на это не отреагировала. Она до сих пор пребывала в чрезвычайном напряжении, в любой момент готовая сорваться с места, чтобы бежать или броситься в атаку. Арчер не мог сказать, на какой из двух вариантов она решится.

– Рыночные слухи не так уж далеки от истины, – сказал он, – но они редко рисуют полную картину. Благодаря достоверным источникам мне известно, что юную леди похитил не кто иной, как лорд Джаспер Ларк из соседнего графства.

– Ларк и Барден уже много лет не в ладах.

– Именно, – сказал Арчер. – В последние несколько лет их конфликт обострился, и король постановил, что они должны разрешить свои разногласия или лишатся своих земель и титулов. Для лорда нет ничего страшнее, чем угроза потерять титул.

– Мне не понять, – сказала Брайер.

– Конечно, нет, – Арчер обвел взглядом хижину. Девушка наверняка хотела улучшить условия своей жизни. Она не

могла отказаться от работы. В груди Арчера вспыхнула надежда впервые с тех пор, как он вернулся в графство Барден.

– Два лорда продолжили конфликтовать, несмотря на указ короля, но держали все в тайне. Их враждебность разрасталась в секрете. Лорд Ларк нанес лорду Бардену непростибельный удар, когда похитил его дочь. Барден не может пойти к королю, потому что рискует лишиться своих владений, что, видимо, намного хуже, чем лишиться дочери, однако я здесь не для того, чтобы его осуждать. В общем, он решил прибегнуть к другим способам, чтобы вернуть леди Мэй.

Брайер нахмурила лоб.

– Он нанял вас, чтобы вы ее украли и вернули домой?

– Почти. Он негласно объявил о вознаграждении за возвращение своей дочери в целости и сохранности, и к этому вознаграждению прилагается бонус, если все получится провернуть, не привлекая внимания короля. Я намереваюсь получить и вознаграждение, и бонус.

– С чего вы решили, что вам это по плечу?

Арчер кашлянул, пытаясь не воспринимать эти слова как личное оскорбление. За последние несколько лет он успел создать себе что-то похожее на репутацию, но художница даже не думала о том, чтобы воспринимать его всерьез.

– Леди Мэй заперта в башне замка Ларка, который находится на берегу озера Шортфолл, – Арчер махнул рукой на север. – У меня получилось взять на работу того, кто раньше работал в том замке. У нас больше шансов выручить леди

Мэй, чем у других.

– А я вам зачем? – спросила Брайер. – Хотите, чтобы я разрушила эту башню?

– Нашей пленнице это вряд ли поможет остаться целой и невредимой, согласитесь? Нам нужно вернуть ее живой, чтобы получить награду.

– И бонус.

– Именно, – Арчер стал отбивать пальцами ритм по колену. – Башня... не так уж проста. Ее стены защищены заклинаниями могущественного мага, и я считаю, что лишь человек, обладающий исключительной силой, способен прорваться сквозь подобную защиту.

Брайер поджала губы.

– Итак, вы хотите, чтобы я отправилась на другой конец графства Ларк и помогла уничтожить заклинания, чтобы спасти из башни девицу, при этом не нанеся ущерб самой башне? Распутывание чужой магии – не такая уж простая задача.

– Вам неплохо заплатят за труды, – Арчер выпрямился, выдерживая паузу для пушного эффекта. – Я могу предложить вам сотню крон.

Девушка даже не моргнула, услышав такую невероятную сумму. В ее бедственном положении любая другая девчонка подскочила бы на ноги и стала петь от счастья.

– Я вынуждена отказаться, – чопорно сказала она. – Я уверена, вы можете найти более подходящего художника про-

клятий для вашей миссии.

– Сомневаюсь. Мне нужен тот, кто одновременно знает тонкости мастерства и обладает силой. Я слышал, что художница проклятий в этих краях весьма могущественна, и уже своими собственными глазами я видел, насколько искусно вы работаете.

Брайер запрокинула чашку, чтобы допить остатки чая и частично спрятать свое лицо. Ее щеки немного порозовели, словно ей было неловко от того, что она обладала какой-то особенной силой. Она даже не понимала, почему смутилась.

– Благодарю вас, но мой ответ – нет.

– Что ж, ладно, – Арчер поерзал на стуле и задал вопрос, который был для него несколько болезненным: – Сколько вы хотите?

Девушка опустила пустую чашку на колени и положила руку на свою неудобную подушку.

– Дело не в деньгах. Сейчас я работаю лишь на честных людей, мистер Арчер.

– Я как раз честный! – соврал Арчер. – Разве я не сказал вам сразу, что я вор? Я служу клинку, монете и...

– Открытой дороге. Я понимаю, но эта работа не для меня.

– Разве вам не хочется отправиться в приключение? Вам, должно быть, наскучила жизнь в этой маленькой лачуге.

Глаза Брайер гневно сверкнули.

– Мне очень даже нравится мой дом.

Резкий тон девушки удивил Арчера, и он задумался над

тем, не упустил ли он чего, когда осматривал хижину. Что хорошего было в том, чтобы жить в нищете? Он снова окинул взглядом внутреннее убранство домика, пытаясь отыскать причину, по которой художница так яростно его защищала, будто бы дело касалось новорожденного младенца или горы золота.

Когда Арчер снова перевел взгляд на девушку, ее руки были сложены на коленях и спрятаны в складках юбки. Кажется, она потирала свое запястье. Возможно, ее травма была хуже, чем она хотела показать. Да, травма точно не станет помехой в их деле. Чем больше Арчер пребывал в компании Брайер, тем сильнее становилась его уверенность в том, что именно она идеально подходит ему для работы.

Он попробовал прибегнуть к другой тактике.

– Разве вы не хотите получить шанс стать частью чего-то великого? Если нас ждет успех, то мы добьемся того, чего не удавалось ни одной шайке разбойников. Даже если золото вас не интересует, то вы сможете спасти юную деву. Разве это не так же благородно, как снос дома злого старого мошенника?

Брайер засомневалась на секунду, и в этот момент он был уверен, что девушка попалась на крючок. Всем нравится спасать юных дев, даже другим девам.

А затем Брайер сказала:

– Нет. Спасибо, мистер Арчер, но мне это не интересно.

– Я так просто не сдаюсь.

Арчер наклонился в ее сторону, и Брайер напряглась всем телом.

– Я думаю, вам лучше уйти, – ее голос звенел жесткостью, которой прежде не было.

– Но если вы позволите мне поведать вам о моем плане...

– Я хочу, чтобы вы покинули мой дом.

По ее лицу пробежала тень, и Арчер почувствовал, как вниз по его спине стекает капелька пота. Что-то подсказывало ему, что эта миниатюрная девушка была не совсем той, за кого себя выдавала. Она говорила с той же торжественностью, которая была свойственной королевским магам. Арчеру следовало бы уйти, но он был так близок к тому, чтобы иметь все необходимое для миссии, что не мог взять и отступить.

– Я ведь могу сообщить властям о том, что видел, – тихо проронил он. – Шериф Флинн и Виллем Уинтон старые друзья.

Глаза Брайер сузились. Ее руки, все еще спрятанные в складках юбки, дрогнули.

– Вы мне угрожаете?

– Я просто делаю вам предложение, от которого вы не можете отка...

Чашка в руках Арчера взорвалась, и его впечатало в спинку стула. Его зубы клацнули из-за удара, а перед глазами замигали фиолетовые огоньки. После этого сам стул приподнялся на тридцать сантиметров от пола и полетел через ком-

нату, сбив на своем пути к двери мольберт и полотна.

Арчер думал, что разобьется, но в последний момент дверь распахнулась. Стул перелетел через крыльцо и резко остановился, после чего сбросил Арчера на землю.

Пес Шериф подскочил к Арчеру, разрываясь между тем, чтобы облизать уши хозяину и завывать в сторону домика. Юноша поднялся на ноги, отряхивая пыль со своей куртки. Его руку саднило из-за взорвавшейся чашки, но все его пальцы были невредимы.

Художница проклятий появилась в окне, держа в здоровой руке перекладину от спинки стула.

– Вы назвали себя честным человеком, – крикнула девушка. – Если это правда, то вы оставите меня в покое и никому ничего не расскажете. Но знайте: я могу прогнать жизнь из вашего тела при помощи нескольких быстрых мазков, особенно просто это будет сделать сейчас, после того, как вы посидели на моем стуле. Смертоносные проклятия особенно хорошо ложатся на дерево. Надеюсь, вы не дадите мне повода прибегнуть к таким мерам. Хорошего дня, мистер Арчер.

И она исчезла.

Арчер смотрел на зеленые занавески еще некоторое время после того, как они перестали колыхаться. Как, во имя всего Люра, она смогла взорвать его чашку, находясь в противоположном конце комнаты? Арчер никогда прежде подобного не видел. Остатки сомнений по поводу того, что ему для работы нужна именно Брайер, рассеялись. Ему просто при-

дется найти другой способ ее переубедить.

– Хватит выть, Шериф, – бросил он псу. – Я в порядке. – Погладив морщинистую голову своего друга, Арчер зашагал обратно в деревню.

Глава 3

Брайер счищала пурпурную краску, которую пролила на покрывало, пока проклинала чайную чашку. Ее руки дрожали из-за прилива адреналина, вызванного необходимостью действовать молниеносно. На всякий случай девушка хранила под подушкой запас красок, но не была уверена, что ей удастся ими воспользоваться. Пурпурное пятно карминовой краски, изготовленной из перетертых насекомых, было превосходным взрывчатым веществом. Трудность состояла в том, чтобы перенести проклятье на вторую чашку.

Согласно Закону Резонанса – третьему закону проклятой живописи – проклятие, нанесенное на предмет, имеющий эмоциональную значимость для человека, могло влиять на него на расстоянии. Чем сильнее была эмоциональная связь с предметом и чем длительнее был контакт, тем сильнее работало проклятие. Однако и на неживые предметы, которые часто пребывали в контакте друг с другом, тоже можно было влиять при помощи одного проклятия. Некоторые считали, что принцип действия в обоих случаях тот же.

Брайер вспомнила один из первых уроков в душевной художественной мастерской, находящейся в нескольких кварталах от моря.

– Этот феномен определенные теоретики третьего закона называют неодушевленным резонансом, – сказал отец Брай-

ер после того, как при помощи одного проклятия поджег две книги, которые годами вместе пылились на одной и той же книжной полке. – Другие полагают, что подобный эффект является следствием Закона Целостности. Предметы становятся одним целым и поэтому подвергаются одному проклятию. В Совете Плащей разногласия на этой почве возникали, по крайней мере, дважды.

– Какой теории придерживаешься ты? – спросила Брайер, которую больше интересовало то, как ее отец работал кистью, нежели то, что он говорил. Его проклятия всегда срабатывали с первого раза, а вот самой Брайер это давалось не так легко.

– Важно то, что это работает, – пламя от горящих книг отразилось в огромных глазах отца, когда тот повернулся к ней. – Ты учишься практической проклятой живописи, Ил-эйна Роза. Ты должна использовать каждый инструмент в своем арсенале, не беря в расчет то, что говорят какие-то там академики из Совета. Мелочные научные споры для нас не имеют никакой ценности.

Брайер открыла окно мастерской, чтобы проветрить помещение от дыма, пока ее отец расхваливал свой особый подход к теории проклятий. Она все еще слышала его воодушевленный голос, хотя от того урока ее отделяли годы и километры. Уже тогда она знала, что отношение ее отца и матери к художественной живописи отличалось от отношения других магов. Их художественные работы были также краси-

вее и эффективнее, чем работы других магов. Однако в то время Брайер еще не осознавала, насколько опасным для ее родителей было то, что они игнорировали точку зрения Совета.

Брайер хорошо усвоила урок по теме резонанса. Когда Арчер стал ей угрожать, она незаметно нанесла взрывное проклятие на чашку, которую поставила на колени. Эта чашка обычно стояла в чашке, которую Брайер дала Арчеру. Одним легким движением кисти карминовый взрыв был перенесен с одного кусочка глины на другой. Отвлекающий маневр позволил Брайер выиграть время, чтобы при помощи смеси патины² и малахита нарисовать более замысловатое проклятие на тонкой доске от стула, спрятанной под подушкой. Два оттенка зеленого смешались вместе, чтобы перенести стул через всю комнату, идеально демонстрируя Закон Целостности в действии.

Несколько капель краски попали на тряпки, обмотанные вокруг поврежденного запястья девушки. Брайер начала затирать красные и зеленые пятнышки, стараясь не давить на больную руку. Она всегда полагала, что использовать защитную магию ей придется на местном шерифе или на ком-нибудь из прошлой жизни. Девушка вовсе не была готова к тому, что угроза будет исходить от какого-то болтливового вора. Этот Арчер случайно оказался у дома Уинтона в нужный момент или же он намеренно искал именно ее? Даже если Ар-

² Патина – зеленоватый налет на меди и ее сплавах.

чер никак не был связан с прошлой жизнью Брайер, нашел он ее как-то подозрительно просто.

Брайер глубоко вдохнула запахи сухой соломы и масляной краски, запах дома, чтобы успокоиться. Предложение работы было куда более заманчивым, чем Брайер этого хотелось. Ей нужно было золото, но привлекало ее не это и даже не перспектива выручить из беды юную деву. Леди Мэй наверняка была окружена одним и тем же уровнем комфорта, что в замке лорда Бардена, что в особняке ее отца. На ее долю определенно не могли выпасть тяготы и лишения, которые терпели дочери кузнеца.

Нет, Брайер привлекала сложность поставленной задачи, и она манила художницу, подобно тому, как моряка манит голос сирены. Вор хотел, чтобы Брайер показала настоящую, серьезную магию. Это была не какая-то мелкая месть. Дело касалось достаточно сложного проклятия, которое должно было пробить защиту лицензированного мага, и это требовало подготовки, изучения и огромного потока силы. Чужую магию необходимо было сначала раскрыть на составляющие по швам, а потом раздробить эти составляющие на крупички. Идея подобного разрушения манила Брайер, вызывая в ее душе такой сильный отклик, какого она не испытывала с тех пор, как поселилась в своей маленькой хижине.

Сложные задачи прельщали и родителей Брайер тоже. Они рьяно следовали туда, куда вела их разрушительная магия, игнорируя законы и правила, регулирующие деятель-

ность большинства магов искусства. Они никогда не признавали ограничений, что делало их исключительными художниками. Однако человеческая порядочность слишком часто отступала на второй план в пользу очередной вершины художественного мастерства, очередного великолепного проклятия.

Брайер очень старалась отказаться от такого же взгляда на мир и от действий, которые ему сопутствовали, от действий, которые все еще тревожили ее воспоминания и не давали спокойно спать. Она старалась жить по новым правилам с тех пор, как сбежала из отдаленных регионов, поклявшись, что не будет причинять никому физическую боль (ссадины и царапины – не в счет), что никогда не сделает бедняка беднее, никогда не будет искать справедливости там, где подводили королевские законы. Однако Брайер все еще была подвластна зову сирены, которым ее к себе звала настоящая проклятая магия.

Брайер недовольно нахмурилась, глядя на полотно с пшеничным полем, натянутое на мольберте. У этого Арчера хватило наглости заявиться к ней в дом и разрушить ее попытки на честную, спокойную жизнь. Не удивительно, что Брайер навела на него такое жестокое проклятие, когда он стал ей угрожать.

Девушка вернулась к окну, дабы убедиться, что Арчер и его собака действительно ушли. Темнота окутывала улицу за садовой калиткой, и лес тихо наполнился вечерними звуками.

ми: шорохом веток, пением цикад, уханьем одинокой совы. Несмотря на громкие угрозы, Брайер не думала, что Арчер в самом деле отправится к шерифу. Он показался ей умным и слишком уж самоуверенным для своего же блага. Брайер раздумывала над тем, как именно он планировал использовать способности нелегального художника проклятий, чтобы проникнуть в замок Ларка. «Это была бы такая замечательная возможность, чтобы...»

– Нет. Перестань, – сурово одернула она себя. – Это неважно.

Девушка смела глиняные черепки, оставшиеся от разбитой чашки, и начала готовить простой ужин из черного хлеба, твердого сыра и овощей, выращенных в огороде. Она порезала морковь, орудия ножом, который носила на поясе, наполняя хижину звуками ритмичных постукиваний лезвия по столу.

– Ты не будешь вмешиваться.

Если Брайер хотела, чтобы ее новая жизнь окупала все затраты на свое начало, то художнице ни в коем случае нельзя было даже думать о том, чтобы ввязываться в подобного рода опасную авантюру.

В дверь снова постучали. «Он не собирается отступить, правда, что ли?»

Брайер оставила нож на столе и выглянула в окно из-за занавески. Вместо Арчера она увидела стоящего на пороге кузнеца, который нанял ее для того, чтобы проклясть дом

господина Уинтона. Мужчина мямлял в своих мускулистых руках потрепанную шляпу.

Брайер рванула на себя дверь, намереваясь затащить своего огромного визитера внутрь, чтобы их не видели вместе, но когда свет из хижины осветил крыльцо, девушка поняла, что кузнец пришел не один.

По обе стороны от кузнеца стояли шериф Флинн и господин Уинтон собственной персоной. Четвертый человек затерялся в темноте позади них.

– Добрый вечер, мэ-эм, – шериф облокотился на дверной косяк своей волосатой рукой. Его живот свисал над ремнем с мечом и растягивал пуговицы на рубашке. Лицо мужчины вселяло ужас и не отличалось особой привлекательностью.

– Я так понимаю, вы тут промышляете шалостями.

Брайер выдавила из себя невинную улыбку.

– Прошу прощения?

– Ах, теперь она просит прощения? – воскликнул Уинтон. – Маленькая ведьма! Арестуй ее, Флинн!

Под мышками фиолетового шелкового камзола Уинтона расплывались пятна пота. Его мышинового цвета волосенки вздымались дыбом над красным лбом, как будто торговец от самой деревни шел, кипя от гнева.

– Что все это значит? – спросила Брайер, делая вид, что ничего не понимает, пытаясь ухватиться за призрачный шанс того, что шериф и Уинтон всего лишь хотят выведать у нее какую-нибудь информацию.

– Дому господина Уинтона был нанесен ущерб, – сказал шериф.

– Что еще за ущерб? – Уинтон громко хохотнул. – В смысле – ущерб? Как ты смеешь такое говорить!

– Терпение, мой друг, – сказал шериф Флинн. – Мы должны следовать королевским законам. Юная леди, вы ведь не причастны к обрушению дома господина Уинтона, так ведь?

Брайер скрипнула зубами от его слащавого тона. Юная леди? Шериф прислонился к дверному косяку так, словно это был его дом, и сделал невозможным для Брайер достать спрятанные над притолокой краски и кисти. Что ж, не то чтобы она собиралась сию же секунду проклинать кого-нибудь...

– Его дом обрушился? – Брайер округлила глаза, надеясь, что выглядит участливой и удивленной, а не сумасшедшей. – Я не понимаю, каким образом к этому причастна я, шериф.

– Мне самому в это трудно поверить, – ответил шериф, – но это не первая жалоба, которую я получил касательно вашего... рода деятельности, – он выпрямился, поправляя ремень, на котором висел меч. – Я могу закрыть глаза, когда дело касается внезапно порвавшихся на каком-то господине штанов или увядшего цветника, который лелеяла одна дама, но сейчас все иначе.

Брайер с трудом удержала свою маску невинности, пораженная тем, что шериф знает о ее других маленьких проклятиях. Она-то думала, что действовала максимально незаметно.

но.

– Может быть, у нас получится что-то вместе придумать, – начала она. – Мне ничего не известно о доме господина Уинтона, но те маленькие...

– Не позволяй ей себя обмануть этим невинным взглядом олененка, – зашипел Уинтон. – Я знаю твой род, ведьма. Нам не нужны такие, как ты, в деревне, с этим твоим воровством и тягой к разрушению.

Брайер недоуменно моргнула. Она никогда в жизни ничего не воровала. Интересно, как долго Арчер и его шайка занимались кражами в этом графстве. Арчер. Неужели он действительно направил к ней шерифа и его угроза не была просто словами?

Брайер подалась вперед, чтобы не позволить незванным гостям переступить порог своего дома. Она поборола в себе желание бросить взгляд туда, где были спрятаны ее краски.

– Разве королевские законы не подразумевают наличие доказательств того, что преступление имело место быть?

– Подразумевают, – согласился шериф Флинн. – Это ведь краска у вас на запястье?

Пальцы Брайер дрогнули.

– Если вы обвиняете меня только потому, что иногда недостаточно аккуратно...

– В этом нет смысла, девочка, – перебил ее кузнец, опустив взгляд на шляпу, которую он сжимал своими мозолистыми пальцами. – Я рассказал господину Уинтону, что ты

говорила на рынке, будто бы он слишком много просит за льняное масло и тому подобное.

Брайер уставилась на него, пораженная до глубины души.

– Вы что?

Кузнец избегал смотреть Брайер в глаза.

– Я думаю, ты перегнула палку.

– Перегнула палку? – возмущенно переспросила Брайер.

Он был прав в том, что она перестаралась, ведь в ее планы вообще не входило разрушать особняк, однако девушка не могла поверить в то, что кузнец предал ее. Она ведь сделала ему скидку и все такое.

Ей хотелось проклясть кузнеца и отправить далеко-далеко в сторону Верхнего Люра, и плевать, сколько у него было голодающих детей. Ей хотелось схватить эти натруженные руки и измазать их кармином настолько, чтобы... Хватит. Брайер подавила в себе яростное желание разрушать. Сейчас для этого было не время.

Художница внимательно рассматривала мужчин, стоящих на крыльце, оценивая свои шансы. У нее все еще не было возможности рассмотреть человека, стоящего позади. Может быть, это был кто-то из вассалов лорда Бардена?

– И что теперь? – спросила она, стараясь выиграть время. – Вы отведете меня к лорду Бардену?

– По идее мы должны, да, – протянул шериф, – но в данном случае, раз уж из-за тебя пострадал мой друг, я не думаю, что нам вообще стоит втягивать в это дело его свет-

лость.

– Вот именно, – сказал Уинтон. – Она сбежит из темницы Бардена при помощи своих проклятий. Нам нужны более надежные меры.

Ледяной ужас сковал тело Брайер.

– Я могу убраться из деревни, – сказала она. – Вы обо мне больше никогда не услышите. Клянусь.

– Боюсь, для этого слишком поздно, – шериф Флинн положил ладонь на свой меч и переступил через порог.

– Но...

– Я подозреваю, что у вас нет тысячи крон, чтобы заплатить за новый дом господина Уинтона?

– Тыся...

– Я бы не притронулся к ее деньгам, будь там хоть миллион! – воскликнул Уинтон. – Я требую возмездия, а не компенсации!

Брайер попятилась назад. Будет ли у нее время, чтобы схватить спрятанные краски? Или нож со стола? Мужчины блокировали единственный выход из хижины. «Если я доберусь до сундука с красками, я смогу...»

Шериф отступил в сторону, освобождая путь для человека, который стоял позади него. Это был мужчина средних лет с худосочным узким лицом и прилизанными каштановыми волосами. С его плеч свисал длинный поношенный плащ, с вышитой золотой эмблемой Совета Плащей, а его руки украшали витиеватые татуировки лицензированного мага голо-

са. Брайер резко втянула в себя воздух, и ее сердце забилося чаще.

«Нет. Только не это».

Шериф прочистил горло с влажным бульканьем.

– Маг Рэднер, настоящим вы уполномочены казнить эту женщину.

Маг в плаще вежливо кивнул.

– С превеликим удовольствием.

Брайер начала двигаться еще до того, как маг открыл рот и начал произносить зачарованные слова.

Она бросилась за своими красками как раз в тот момент, когда первое заклинание пронеслось по дому и ударило в стол, взорвавшись дождем искр. Девушка упала на колени рядом с сундуком, ахнув от боли в травмированном запястье.

«Я так просто не сдамся».

Маг голоса направлялся к ней. Брайер дернула защелку на сундуке с красками. Замок заело. Волоски у основания ее шеи встали дыбом, и девушка отпрыгнула в сторону, когда маг Рэднер выпустил очередное огненное заклинание. Оно попало в сундук, отчего тот взорвался буйством цветов. Киноварь, лазурит, желтая охра, индиго – краски забрызгали пол, смешиваясь с щепками и битыми стеклом. Брайер лихорадочно хваталась за все подряд, пытаясь отыскать что-нибудь, что можно было использовать против мага, который подходил все ближе и ближе.

– У тебя нет ни малейшего шанса выстоять против меня, – хрипло сказал он.

– Тогда зачем вам такая неинтересная работа? – спросила Брайер.

– Дело не в интересе, – ответил маг. – У тебя нездоровое влечение к хаосу и разрушениям.

– Что-то такое я уже слышала.

Рэднер произнес несколько фраз, непонятных никому, кроме самого мага голоса. Брайер отскочила от взрыва, ее ладони скользили по краскам. Патина, костяной уголь, умбра.

Банки с запасами льняного масла загорелись, и дом начал наполняться дымом. Подпитываясь маслом, пламя быстро распространялось, его языки заплясали на покрывале, лежащем на кровати, и потянулись к соломенной крыше. Брайер закашлялась, задыхаясь от дыма, и бросилась прочь от огня.

Маг Рэднер оставался спокойным. Он не смеялся, пока Брайер пыталась отползти подальше от него. Некоторые маги любили упиваться своей силой. Им бы понравилось стоять над раненой художницей, которая отчаянно пыталась из последних сил остаться в живых, но именно этот маг вел себя сдержанно и расчетливо. Он вызывал у Брайер ужас, но она не могла позволить ему взять над ней верх.

Шериф Флинн вышел на улицу, освобождая магу пространство для работы. Где-то позади него в темноте смеялся

мистер Уинтон. Брайер была слишком далеко от двери. Стоя на четвереньках возле стола на заляпанном пятнами красками полу, она смотрела прямо на мага Рэднера. Плащ развевался вокруг него, подобно грозовой туче. Брайер попыталась предугадать, в какую сторону он направит следующее заклинание. Влево, вправо или прямо ей в сердце?

Рэднер сделал обманное движение вправо, резко гаркнув короткий слог, после чего выкрикнул слова прямо в сторону Брайер. Она перекатилась вперед, и заклятие пронеслось у нее над головой, задевая волосы. Спотыкаясь, девушка бросилась прямо на мага, пытаясь собрать руками, коленями и юбкой как можно больше разлитой краски. Стеклянные осколки битых баночек впивались в ее ладони, и ее поврежденное запястье пронзала острая боль от прикладываемых усилий.

Брайер увернулась от очередного проклятия, не переставая двигаться вперед, и ее пальцы сомкнулись на подоле темного плаща. При помощи краски на руках она начала торопливо вырисовывать на материи кривое изображение. Кровь смешивалась с оттенками зеленого и кирпичного. Брайер просто необходимо было нанести мазки правильно.

Один. Два.

Она отклонилась вбок, когда маг попытался пнуть ее ногой, потеряв на мгновение голос. Девушка снова схватилась за плащ.

Три. Четыре.

Рэднер пытался вырвать свой плащ из ее хватки, протаскивая Брайер по полу, и закашлялся из-за сгущающегося дыма. Девушка обмакнула пальцы в липкую патину и снова потянулась к плащу.

Пять. Шесть.

Это было самое мерзкое проклятие, которое она когда-либо создавала, и это при том, что в свое время Брайер рисовала ужасы, достойные дьявола, но в данной ситуации у нее не было другого выбора.

Семь.

– Что за...

Плащ взлетел вверх, поднимая мага от земли. Рэднер взмыл к соломенной крыше и ударился головой о стропила. Покрытый краской край плаща зарылся в солому. Если оставить плащ без присмотра, то он будет рваться вверх, пока не достигнет звезд. Задыхающийся от дыма маг произнес несколько коротких слов, чтобы остановить свой подъем вверх. Отвлекающий маневр дал Брайер достаточно времени, чтобы убежать от своего противника. Она выскочила за дверь дома, пронеслась мимо шерифа, кузнеца и брызжущего слюной разгневанного Уинтона.

С головы до ног Брайер была покрыта краской, щепками и пеплом. За ее спиной горел маленький домик. Пламя разгоралось все сильнее, подпитываемое красками и отголосками заклятий мага. Ночь наполнил сухой треск горящей соломы. Брайер чувствовала себя так, будто ей вырывают сердце из

груди, пока бушующий пожар пожирал ее дом.

Девушка осмелилась бросить взгляд назад. В дверном проеме появился силуэт мага Рэднера, медленно выходящего из пламени; его проклятый плащ все еще дергался. У художницы не было времени беспокоиться о темной, угрожающей фигуре. Шериф Флинн и его спутники отвязывали лошадей от поленницы. У Браер была фора, но она была на ногах, в то время как ее преследователи уже садились в седла, намереваясь нагнать ее.

Брайер бросилась бежать по дороге, ее легкие все еще были наполнены остатками дыма. Она не знала, стоит ли ей бежать в лес или попытаться пересечь реку. В лесу она могла оказаться в ловушке, если путь ей преградит изгиб реки, а в деревне за мостом она могла поискать убежища. Но кто из жителей мог укрыть ее и не выдать преследователям? Брайер намеренно держала людей на расстоянии вытянутой руки. И если уж кузнец предал ее, то разве могла Брайер доверять всем тем остальным, кто относился к ней с явной добротой?

Копыта громко стучали по дороге позади художницы. Крики преследовали Брайер в темноте. Она бежала, и ее сердце колотилось, как испуганная маленькая птичка. Лес или деревня? У девушки не было с собой ничего: ни денег, ни еды. Она не сможет долго скрываться в лесу. Краска, покрывавшая ее одежду, впитывалась и быстро высыхала. В сложившихся обстоятельствах девушка не была уверена, что сможет нарисовать даже проклятие, способное вызвать го-

ловную боль.

Преследователи становились все ближе. Теперь Брайер была перед ними абсолютно бессильна. Они затопчут ее на лошадях и оставят умирать в грязи. И все это из-за дурацкой ошибки.

Впереди показался мост через реку. Они догонят Брайер еще до того, как она успеет добежать него. В ночи раздался вой, словно за ней в погоню бросились гончие из самого ада. Лошадиные копыта стучали подобно барабанной дробе на вынесении смертного приговора. Брайер не успела даже начать искупать свои грехи за все те разрушения и боль, что были на ее совести. Она всего лишь хотела получить шанс начать все с начала, с чистого листа. Жить тихой жизнью в маленькой хижине в лесу, которая пахла соломой и масляной краской.

Внезапно путь девушке преградила темная тень. Брайер издала сдавленный вскрик, глядя прямо в глаза огромного скакуна. Ее поймали. Она попыталась увернуться от копыт коня, который фыркал и гарцевал перед ней. Затем из темноты появилась рука, грубо схватила Брайер за руку и рванула вверх. Девушка вцепилась в человека, пытавшегося защитить ее на спину коня, и стала царапаться и извиваться. Руку Брайер больно выворачивали из сустава.

– Будет лучше, если вы мне поможете, мисс Художница.

Брайер ахнула, узнав голос, и перестала брыкаться. Она

рефлекторно вцепилась в знакомый рукав цвета индиго и каким-то чудом перекинула ногу через спину коня.

– Судя по всему, жизнь у тебя не такая скучная, как я думал, – сказал ей Арчер через плечо.

– С ними маг голоса, – прохрипела Брайер.

– Можешь не продолжать, – Арчер подстегнул скакуна пятками.

Конь рванул с места в сторону моста через Хрустальную реку, и Брайер обвила руки вокруг пояса своего спасителя.

– Пстой! – крикнула она ему.

Арчер резко рванул поводья, и Брайер соскочила вниз, чтобы вывести небольшую отметину на мосту остатками краски, которые были на ее руках и одежде.

– Надолго это их не задержит.

– Меня им не поймать, – отозвался Арчер. – Держись крепче!

Глава 4

Ночь была полна дыма и ярости, когда они скакали по дороге, ведущей к деревне. Арчер наклонился к шее своего коня, и его сердце колотилось в такт топота копыт.

Ну, технически это был не его конь. Он его, так сказать, позаимствовал для дела. Длинноногое, энергичное животное уже опережало шерифа и его прихвостней. Арчер так давно не веселился.

– Что ты сделала с мостом? – крикнул он через плечо.

– Это просто иллюзия, – ответила Брайер ему в ухо. – Будет выглядеть так, будто мост исчез. У меня не было времени, чтобы его разрушить.

– А разве маг не догадается, что это иллюзия?

– Сначала ему нужно будет снять чары.

– И сколько времени это займет?

– Скачи быстрее.

Арчер скривился. На его памяти уже и так было достаточно столкновений с лицензированными магами голоса. Встречи с ними всегда сулили неприятности.

– Ну и ночка, да?

Художница проклятий ничего не ответила. Она цеплялась за куртку Арчера перепачканными темной краской пальцами. Учитывая обстоятельства, девушка была весьма спокойна. Решение зачаровать мост явно было результатом ее уме-

ния быстро думать на ходу. Это хорошо, что она умела работать под давлением.

Однако, когда девушка бежала из горящего домика, она выглядела напуганной; ее глаза были широко распахнуты и полны отчаяния. Прежде чем спасти ее, Арчер намеревался взять с Брайер обещание помочь ему с миссией, но при виде ее ужаса не смог действовать согласно плану. Он затащил девушку на своего коня (ну да, на коня, которого украл) и некоторое время чувствовал себя героем из легенд. Арчер уже почти даже не помнил, когда в последний раз чувствовал себя так.

Но у него была миссия, и – нет, он по-прежнему оставался вором, а точнее, предводителем воров. Несмотря на страх, Брайер не потеряла голову. Это говорило ему о многом.

Арчер натянул поводья, когда они промчались мимо первых домов деревушки Спэрроу, и украденный конь с готовностью ответил на указанное всадником направление. Стенело не так давно, и на улицах все еще толпились люди с цветами в волосах, смеясь и болтая о летней ярмарке. Арчер пустил коня галопом по нескольким оживленным улицам, заставляя жителей отпрыгивать с его пути и возмущенно кричать ему в спину. Когда потом шериф будет опрашивать свидетелей, никто из них не сможет точно указать, в какую сторону они с Брайер направились. Арчер подумывал о том, чтобы вернуться в единственный на всю деревню трактир, где он снимал комнату, но у них и так было мало вре-

мени, по- этому он решил, что пора возвращаться назад. Он не мог позволить себе рисковать тем, что Брайер может сбежать до наступления утра. Арчер решил представить художницу своей шайке и заключить с ней сделку сегодняшним вечером.

После тщательного запутывания следов, Арчер направил коня к заросшей тропе, ведущей в лес. Брайер не интересовалась, куда они направляются. Должно быть, она чувствовала, что на данный момент с Арчером она была в безопасности. Они оба молчали, оставляя огни и шум деревни позади.

Листья вокруг них сгущались, приглушая свет звезд и скрывая Арчера и Брайер от любого, кто мог попытаться последовать за ними. Затем остались только Арчер, темнота и теплая фигура девушки, прижимающаяся к его спине. Волосы художницы щекотали ему шею. От Брайер пахло льняным маслом и пеплом. Арчер не мог полностью расслабиться, пока она обнимала его за пояс. Девушка приняла его помощь, когда у нее не было другого выбора, но это не означало, что художница не попытается при первой же возможности оторвать ему руки взрывом. Он видел, на что она способна.

По мере того, как они удалялись от деревни, звуков становилось все меньше, пока не остались лишь шелест ветвей, стук лошадиных копыт и редкое уханье совы. Ночь сгущалась, лес встречал Арчера знакомыми объятиями. Когда-то давно в Чистом лесу ему довелось пережить свои самые счастливые дни.

Арчер пустил коня шагом, когда они приблизились к логову, чтобы не напугать остальных членов шайки. Две недели назад они вместе разбили лагерь недалеко от дереvушки Спэрроу, пока готовились к миссии. В этом тайном уголке их никто еще ни разу не потревожил, но они всегда были готовы в любой момент сорваться с места и сбежать.

Внезапно Брайер подала голос:

– Что стало с твоей собакой?

– Он нас найдет, – ответил Арчер. – Он, скорее всего, рад, что ты спрятала мост, а не разрушила. Он не любит плавать.

– Разрушение моста для деревни было бы трагедией.

– Но выражение лица шерифа Флинна было бы просто неопиcуемым.

– Да... Наверное, – девушка ослабила хватку на куртке Арчера и попыталась отодвинуться от него настолько далеко, насколько позволяло седло, поскольку они больше не мчались галопом, спасаясь от преследователей.

– Это ведь не ты направил тех людей ко мне?

Арчер замялся. Поверит ли она ему на слово после всех тех угроз, которые он бросил в ее адрес?

– У меня не было на это времени, – беспечно ответил он. – Они как-то быстро перешли к тому, чтобы начать поджигать вещи. А я-то думал, что шериф Флинн только словами разбрасываться умеет.

– Этот домик – все, что у меня было, – тихий голос девушки почти затерялся среди ночных звуков леса.

– Ты можешь купить себе новый, – Арчер оглянулся на нее. – Я как раз знаю одного парня, который ищет художницу проклятий для работы. И этот парень платит неплохие деньги.

Брайер ничего не ответила; темнота скрыла выражение ее лица. Неужели она действительно думала, что это он натравил на нее шерифа? Потеря полуразрушенной хижины, казалось, огорчила девушку больше, чем Арчер ожидал. Путем осторожных расспросов ее соседей (тех, у которых он затем украл коня), Арчер выяснил, что Брайер снимала домик и заселилась в него только в конце зимы. Никто не знал, откуда она пришла и было ли имя Брайер ее настоящим именем.

Арчер не понаслышке знал кое-что о выдуманных именах и тайнах прошлого. Тем не менее, его больше интересовало ее будущее.

– Слушай, почему бы тебе хотя бы не познакомиться с ребятами? Послушать, что мы задумали.

– С ребятами?

– Они хоть и жалкая кучка отбросов общества, но работу свою знают.

– Кого это ты там называешь отбросами? – раздался голос из темноты, и Арчер заулыбался. Они были дома.

– Всего лишь самую бравую команду грабителей и поджигателей, которых мне доводилось встречать в своей жизни, – откликнулся Арчер.

– Ты вовремя вернулся, – из леса вышел крепко сложен-

ный мужчина средних лет, снимая заслонку с фонаря. В свете пламени появились его окладистая рыжая борода и вьющиеся волосы. На мужчине был надет коричневый жилет грубой вязки, который сильно натягивался на его широкой груди. – Моя жена как раз собиралась отправиться в деревню и начать рубить головы.

– Я вернулся целым и невредимым и привел с собой друга.

Художница проклятий зашевелилась у Арчера за спиной, высовываясь, чтобы посмотреть на незнакомца.

– Брайер, художница проклятий, познакомься с Лью из Твикенриджа. В нашей операции он несет ответственность за физическую силу.

– Громила с душой поэта, – Лью поклонился, приложив огромную рябую ладонь на сердце.

– Я же тебе говорил, что это я отвечаю за физическую силу, – в свете фонаря возникла еще одна фигура. Это был парень младше Арчера, но такой же крепко сложенный, как Лью, хотя в его широких плечах и круглом лице все еще оставалось что-то детское. Его сшитая из лоскутов куртка была сильно помята.

– Это Нат. Наш мальчик на побегушках, универсальный солдат, и – да, в будущем он будет отвечать за физическую силу.

– А ты, получается, за всех головой думаешь? – сухо поинтересовалась Брайер у Арчера.

– За это отвечает жена Лью, Джемма, – ответил Арчер. –

Это она продумала наше небольшое приключение. Я отвечаю за обаяние, так как лучше всех заговариваю зубы.

Нат хихикнул и что-то шепнул Лью, прикрыв рот своей пухлой ладонью. Мужчина усмехнулся, отчего фонарь задрожал.

– По поводу этого вашего приключения, – сказала Брайер. – Я пока ни на что не подписывалась.

– Тебе разве есть куда идти? – спросил Арчер. – Располагаешь еще одной лачугой, в которой будешь жить?

Брайер застыла. Затем она спрыгнула с коня, расправила юбку и демонстративно повернулась в сторону леса.

– Я не хотел тебя обидеть, – окликнул ее Арчер и тоже спрыгнул с коня. Он думал, что между ними уже начало устанавливаться какое-то взаимопонимание за время поездки через лес, но было очевидно, что потеря всех пожитков все еще причиняла девушке боль.

– Мне казалось, ты у нас тут отвечаешь за обаяние, – обронил Нат и тут же уклонился от кулака, которым Арчер на него замахнулся.

Брайер замерла на границе света фонаря и тени от деревьев.

– Я уже и так нахожусь по ту сторону закона. Я не могу себе позволить еще и связаться с кучкой преступников. Если только вы не собираетесь держать меня здесь против моей воли?

Лью напрягся от такого намека, и Арчер успокаивающе

поднял руку в сторону девушки, словно она была пугливым лесным зверьком. Он знал, на что она была способна, когда ей угрожают.

– Конечно, нет, но если ты хочешь уйти, то почему бы не сделать это на полный желудок и тогда, когда будет светло.

– Будет не просто вернуться в деревню в темноте, – сказал Нат. – Я подвернул ногу, когда попробовал.

Лью хмыкнул.

– Это потому что ты увалень.

– Точно, но он хотя бы крепкий увалень, – сказал Арчер, сделав осторожный шаг к художнице проклятий. – Может, ты хотя бы нас выслушаешь?

Брайер замерла в нерешительности. В ее глазах отражался свет фонаря. Арчер боялся, что девушка уйдет в темноту и исчезнет навсегда, но она опустила взгляд на высохшую и теперь уже абсолютно бесполезную краску, размазанную по ее ладоням и одежде. Плечи девушки понуро опустились.

– Не думаю, что мне будут рады в деревне.

– В таком случае, решено, – сказал Арчер. – Ты поешь горячего и выслушаешь наш план, и если тебе не понравится работа, то можешь идти куда хочешь. Я даже отдам тебе своего коня, когда наступит утро.

Брайер кивнула, и Арчер почувствовал, как его накрывает на удивление сильная волна облегчения.

Широким галантным жестом он указал на стелющуюся впереди тропинку.

– После вас!

Четверка зашагала дальше в лес, полагаясь на свет фонаря Лью, чтобы не споткнуться о корни деревьев, выступающие то тут, то там. Под их ногами трещали ветки, и внезапно раздавшийся шорох из кустов говорил о том, что путники спугнули оленя. Украденный конь презрительно фыркнул. В скором времени они добрались до самой чащи, где росли кусты ежевики, которые были выше человеческого роста. Два платановых дерева сплелись вместе, образуя пугающий занавес.

Нат заторопился вперед, чтобы отодвинуть в сторону ветви, служившие дверью, и открыть туннель, ведущий прямоком в заросли колючих кустарников.

– Добро пожаловать домой, – сказал мальчик художнице проклятий, пытаясь сделать галантный приглашающий жест, который выглядел подозрительно похожим на манерность Арчера. Нетерпеливая улыбка расплылась по его круглому лицу, испортив весь эффект. Прежде чем последовать за Натом в туннель, Брайер бросила взгляд на Арчера, выражение ее лица оставалось непроницаемым.

– Были сегодня неприятности? – тихо спросил Арчер у Лью, когда они проходили под платанами, ведя за собой украденного коня.

Мужчина покачал головой.

– Вчера поблизости проходили несколько охотников, но Нат увел их подальше, прежде чем они подошли слишком близко к логову. Парнишка неплохо имитирует фазана.

– Прекрасно.

Это было одно из их любимых пристанищ в графстве Барден, и никто, кроме белок, никогда не находил этого секретного места. Арчер надеялся, что их полоса везения продлится еще немного.

Запах горелого жаркого донесся до них за секунду до того, как они вышли из туннеля. Их ожидали яркий свет костра, утоптанная тропа и с десятком лошадей в центре того, что по идее должно быть непроходимой чащей из колючек и ежевики. Они наделали немало шума, пробираясь через заросли вместе с конем. Остальные два члена банды Арчера поджидали их.

– Наконец-то, – жена Лью, Джемма, повернулась к ним, стоя за костром с упертыми в бока руками. На ее груди была сложена красная шаль, а из косы выбивались пряди золотистых волос с проседью. – Мне бы понадобилось с нуля продумать новый план, если бы тебя опять поймали.

– О, ты бы снова спасла меня, Джем, – сказал Арчер. – Лью так всегда говорит.

– У меня уже и так голова забита одной спасательной миссией, – Джемма бросила взгляд на своего мужа, и тот пожал широкими плечами. – Воровать золото намного проще, чем людей.

– Золото, которое мы получим в качестве награды, стоит десяти наших обычных уловов, – сказал Арчер. – Оно окупит наши дополнительные хлопоты.

– Плюс еще бонус, – добавил Нат. Мальчишка растянулся рядом с костром и скинул с ног грязные сапоги.

– Вот именно, – подтвердил Арчер.

Лью поморщился, когда Нат начал поправлять свои штопанные шерстяные носки.

– Тебе обязательно делать это рядом с моей едой?

Нат пожал плечами и снова потянулся к сапогам.

Лью вздохнул и взял за поводья нового коня Арчера. Он кивнул Брайер и повел жеребца к остальным лошадям.

Арчер снова повернулся к Джемме, которая продолжала недовольно смотреть на него с другой стороны костра.

– Я привел к тебе новое секретное оружие, – он попытался подтолкнуть ладонью вперед художницу проклятий, но та стряхнула с себя его руку. Арчер поднял ладони в извиняющемся жесте.

– Брайер, это Джемма. Джемма, это Брайер.

Брайер внимательно посмотрела на женщину.

– Так это ты здесь за главную?

Джемма хохотнула, и вокруг ее рта появились морщинки.

– О, а она мне уже нравится.

– Но разве ты не сказал...

– Она все продумывает, да, но за главного здесь я, – сказал Арчер. – Джемма раньше работала в замке, где сейчас находится в плену наша юная леди. Именно благодаря Джемме нашу шайку ждет успех там, где другие сборища преступников потерпели поражение.

– И сколько их было?

– Прошу прощения?

– Сколько было тех, кто пытался выполнить эту миссию и потерпел поражение?

– Скажем так: все будет не так просто, как кажется, – Арчер направился к котелку в попытке избежать дальнейших расспросов. – Надеюсь, ты приберегла для нас немного жаркого.

– Эстебан почти все съел, – сказала Джемма. – Нечего задерживаться так надолго.

– А, да, это Эстебан, – Арчер кивнул в сторону скрюченной фигуры, одетой во все черное и сидящей на границе света от костра и темноты. Больше Арчер ничего не добавил.

Эстебан плохо реагировал, когда на него навешивали ярлыки, даже если Арчер называл его обаятельным, сильным и таким же мужественным, как сам король. По правде говоря, Эстебан не был ни обаятельным, ни сильным, ни мужественным. Он был тощим, седым и угрюмым, и с самого начала вел себя холодно. Лишь Джемма, которая относилась к ним добрее, чем они того заслуживали, продолжала вести себя с Эстебаном приветливо и мило.

Шестерка собралась вокруг костра, усевшись на бревна или растянувшись на земле. Брайер устроилась на пне, внимательно наблюдая за остальными, и снова напомнила Арчеру маленькую сову. Однако у сов были когти, и он не мог отделаться от мысли, что эта хрупкая девушка при желании

могла швырнуть его по воздуху.

Проглотив несколько кусочков беличьего жаркого, приготовленного Лью по особому рецепту, Арчер начал рассказывать о миссии по спасению леди Мэй.

– Замок находится в десяти днях езды отсюда, далеко от границ владений лорда Ларка. Замок охраняет обычный гарнизон из пятидесяти стражников, и их командор вовсе не дурак. Он не оставит леди Мэй без охраны, даже если замок подвергнется серьезному нападению. Мы будем действовать хитростью. Джемма ориентируется в замке, так что у нас должно получиться тайно проникнуть в башню, взломать дверь в комнату леди Мэй и обездвигить ее стражников, после чего уйти так, чтобы никто не догадался, что мы вообще там были. Лорд Ларк будет в это время находиться в своей ежегодной поездке по сбору налогов, поэтому нам будет проще делать свое дело.

Брайер внимательно его слушала, подперев рукой подбородок.

– Какая у этого места магическая защита?

– Эстебан?

Старик сухо кашлянул.

– Иллюзия Беладонны на крепостной стене, несколько проклятых дверных проемов в самой башне и, скорее всего, замок Марин на двери комнаты, где заперта леди Мэй.

Брайер вскинула бровь.

– Зачем вам нужна я? У вас уже есть маг.

Лью и Джемма обменялись взглядами, но Эстебан не удивился тому, что Брайер вычислила, кем он был. Старик угрюмо смотрел на нее. По правде говоря, угрюмость на его лице была вполне обычным явлением.

– Сила Эстебана ограничена, – сказал Арчер. – Он лицензирован, видишь ли.

– Тогда зачем он тебе нужен?

Лью хмыкнул, а Эстебан пробормотал что-то о невоспитанной молодежи.

– У каждого в этом деле есть своя роль, – Арчер похлопал Ната по его не такому уж мускулистому плечу. – Даже у него.

Брайер все еще внимательно смотрела на мага. Она была напряжена, как птица, которая готовилась сорваться с места и улететь.

– У вас есть татуировки?

Эстебан закатал рукава, обнажая выцветшие черные чернила, петляющие по его рукам. Заколдованные отметки говорили о том, что каждое магическое действие мага было отражено в каталогах в таинственном Архиве, расположенном в Верхнем Люре – в городе, где жил король.

– Где вы учились? – спросила Брайер.

– Я обучался в нескольких самых лучших школах искусств для магов в Люре, – ответил Эстебан. – Я не потерплю, чтобы мою компетентность ставила под вопрос какая-то неправомерная...

– Я не ставлю под вопрос вашу компетентность, – сказала

Брайер. – Когда вы в последний раз были в суде?

Рот Эстебана сжался в недовольную линию.

– Я сам был себе судьей еще задолго до твоего рождения, девчонка. Тебе следовало бы проявлять больше уважения к старшим.

– Прошу прощения, – сказала Брайер. – Я не хотела вас обидеть.

Она поудобнее уселась на пеньке и стала казаться менее напряженной.

Любопытно. Арчер решил чуть позже узнать, есть ли у Джеммы какие-либо догадки по поводу того, почему Брайер волнует, был ли Эстебан в суде. Джемма лучше него разбиралась в людях. Эстебана было легче понять, чем Брайер. Старый маг был недоволен тем, что они искали для миссии магическую помощь со стороны. Вместе с морщинами на его лице вырисовывалась явная обида. Арчер надеялся, что это не станет проблемой в дальнейшем.

– Вернемся к делу, – сказал Арчер. – Можешь ли ты нарисовать проклятия, которые снимут те три заклинания, в дополнение к тем, что откроют обычные двери и вырубят стражу?

– С предварительной подготовкой, да, – Брайер обвела взглядом собравшуюся вокруг костра шайку воров, после чего ее взор метнулся к туннелю, ведущему через заросли, как будто бы девушка все еще думала о том, чтобы сбежать. – Однако, если я соглашусь вам помогать, то за мою голову на-

значат награду.

– Только если тебя увидят и каким-то образом опознают. Я не думаю, что с этим будут проблемы, так ведь?

Брайер поправила прядь своих вьющихся волос.

– Конечно, нет.

В ее голосе слышалось сомнение или это была нотка фальши? Арчер не мог сказать наверняка. Стражники лорда Ларка вряд ли знают ее в лицо, учитывая, что ни Джемма, ни сам Арчер о ней не слышали. Они были знакомы с большинством нарушителей закона в графствах Ларк и Барден, хотя большую часть прошлого года провели в более отдаленных регионах королевства. Брайер вряд ли имела дурную славу. Что же ее все-таки беспокоило?

– Нам не следует все обсуждать в деталях, пока она не даст нам окончательного ответа, – пробормотал Эстебан. – Ты с нами или нет?

Брайер метнула взгляд в сторону старого мага, затем сосредоточила свое внимание на Арчере. Раньше она ему наотрез отказала, но на этот раз ей действительно нужны были деньги. Чтобы снова начать работать, девушке потребуются средства, причем немалые, учитывая то, что случилось с ее хижинкой. Тем не менее, Арчер затаил дыхание. Она им тоже была нужна.

– С вами, – сказала Брайер, – но у меня есть несколько условий. Во-первых, после этой работы я забираю свои деньги и ухожу. Я не собираюсь присоединяться к вашей шайке,

и я не собираюсь воровать.

Арчер выдохнул.

– Это твое право.

Спасательные миссии не были тем, чем занимались обычные воры в любом случае, но, с другой стороны, Арчер и остальные не были обычными ворами.

– Мне понадобятся некоторые вещи для моих проклятий, – продолжила Брайер. – Новые краски и кисти для начала. Я потеряла все свои принадлежности, когда... – девушка умолкла, глядя в костер, и в ее глазах отразились языки пламени. Она моргнула. – У вас есть деньги или нам придется все красть?

– Я никогда раньше не воровал краски, – заметил Нат, похрустывая своими короткими пальцами. – Звучит, как вызов.

– Краски и кисти мы можем купить, – сказал Арчер. – Сейчас нам важно не привлекать к себе излишнего внимания. У нас достаточно денег, чтобы купить все необходимое тебе для работы.

– Мне понадобится редкий оттенок фиолетового, – сказала Брайер. – Он делается из перетертых панцирей морских улиток и есть лишь у одного поставщика в этом графстве. Он торгует в Грязерынке.

Лью задумчиво пропустил пальцы через свою рыжую бороду.

– Это немного нам не по пути.

– Проклятие без этого оттенка не сработает, – пояснила Брайер. – Это единственная краска, которая может распутать заклинание другого мага.

– Мы перестроим наш маршрут с учетом захода в Грязе-рынок, – сказал Арчер. – Что-нибудь еще?

– Я не хочу никого убивать.

Джемма и Лью обменялись быстрыми взглядами, а Эстебан пробурчал что-то себе под нос. Они провернули немало дел, чтобы понимать, что жертвы не всегда были тем, чего можно избежать. Все взгляды устремились на Арчера.

– Мы воры, а не убийцы, – сказал он. – Я не могу ничего обещать, но сделаю все, что в моих силах, чтобы тебе не пришлось никого убивать, при условии, что это не поставит под угрозу миссию, – он встретился с девушкой взглядом через костер, и его голос стал холодным. – Однако все наши договоренности будут отменены, если ты позволишь кому-то из моих людей пострадать, допустив ошибку, руководствуясь своей принципиальностью.

– Поняла, – сказала Брайер. – Я не буду колебаться, если дело примет такой оборот.

– Надеюсь, это не пустые слова.

Они смотрели друг другу в глаза еще некоторое время, и Арчер вспомнил, как чашка с чаем взорвалась у него в руках. Эта девушка обладала огромной силой, и ему следовало быть с ней осторожным в дальнейшем.

У них не было права на ошибку. Безопасность леди Мэй

превыше всего. Неважно, что там говорили про вознаграждение (и бонус), настоящие ставки были значительно выше. Лишь одному Арчеру было известно, насколько важным был успех их миссии.

Заключив сделку, они доели жаркое и приступили к уборке в лагере и подготовке лошадей на ночь. С заходом солнца заметно похолодало, что говорило о том, что лето подходит к концу. Они достали дополнительные одеяла из своего тайника с припасами – наполовину зарытого в землю сундука, который пополнялся всякий раз, когда шайка оказывались поблизости – и разложили свои спальные мешки так, чтобы все могли спать ногами к огню.

Брайер с вежливым кивком взяла у Ната ворох одеял и легла на дальнем краю поляны, повернувшись спиной к кустам ежевики и лицом к шайке. Ее глаза оставались открытыми, и в них читалась настороженность, которую было заметно с расстояния в несколько метров.

«Наверное, я бы тоже нервничал, если бы оказался в такой пугающей банде, как наша». Арчер намеренно проигнорировал Лью, который царапал стихотворение в записной книжке. Ее он выудил из кармана жилета. Эстебан отправился на дальний конец поляны, чтобы нарвать ежевики на десерт.

Когда Нат и Эстебан вступили в ожесточенный спор о том, кто будет дежурить первым, Арчер воспользовался моментом, чтобы оттащить Джемму в сторону.

– Что ты думаешь о художнице проклятий?

– Она что-то скрывает.

Арчер рассмеялся.

– А мы все разве – нет?

– Некоторые даже лучше, чем остальные, – Джемма плотнее укуталась в свою красную шаль и посмотрела на Арчера снизу вверх. Она была на голову ниже него, но он все равно чувствовал себя рядом с ней, как шкодливого ребенка, в котором больше энергии, нежели здравого смысла.

– Будь с ней настороже. Я не думаю, что ты понимаешь, во что ввязываешься.

– Ты о чем?

– Просто не позволяй ее красивым глазкам обмануть себя, – сказала Джемма. – Эта девочка опасна.

– Я знаю, – Арчер решил никак не реагировать на ремарку касательно глаз Брайера. Он допускал мысль о том, что они довольно красивые. – Она вышвырнула меня из своего дома вместе со стулом, на котором я сидел, и едва не порезала мне лицо осколками чашки.

Губы Джеммы сложились в тонкую линию.

– Меня больше волнует то, что она сказала про убийства.

– То, что не хочет убивать? Если мне не изменяет память, это хорошо. Люди Ларка не должны платить жизнями за поступки своего лорда.

– Дело не в ее нежелании убивать, – сказала Джемма. – Дело в том, что она убивала и знает, каково это.

Арчер недоуменно моргнул.

– Откуда тебе это может быть известно?

– Увидела в ее красивых глазах, – ответила Джемма. – Ты тоже увидишь, еще до того, как все закончится.

Арчер неловко замялся, ковыряя носками сапог землю.

– Важно то, чтобы мы вернули Мэй, – сказал он. – Что бы эта девчонка ни скрывала, нас это не касается. Она именно та, кого мы искали. С ее способностями нашу миссию ждет неременный успех.

– И вот именно поэтому ты у нас за главного, – Джемма протянула руку, чтобы по-матерински потрепать Арчера по щеке. – Кто-то же должен верить, что у нас есть шанс.

Глава 5

Брайер проснулась от огромного розового языка, который лизал ее лицо. Она вскрикнула и отскочила назад. Огромный пес последовал за ней, продолжая прокрывать ее слюнявыми поцелуями и топчя одеяла своими массивными лапами.

– Уйди прочь, – пробормотала она.

Вместо того, чтобы послушаться, пес описал вокруг нее круг и устроился на ее коленях, подобно котенку-переростку. Он поднял на Брайер взгляд, полный жалости и печали. На блузку девушки потекли длинные слюни. Ноги Брайер начали неметь от веса собаки.

– Тебе стоит быть осторожнее с Шерифом. Он очень любвеобилен.

Брайер вздрогнула при упоминании человека, который приказал казнить ее. Лагерь наполнял туманный утренний свет и оставшиеся с вечера запахи подгоревшего жаркого и ежевики. Шерифа Флинна нигде не было видно. Пес бросил на девушку укоризненный взгляд и отошел в сторону, понурив голову.

Арчер с колчаном и луком за плечами сидел на корточках в нескольких шагах от одеял Брайер. Он энергично почесал морщинистую морду пса.

– Да ладно тебе, я уверен, она не хотела тебя обидеть, Шериф, старина.

Брайер вытерла лицо своим колючим одеялом.

– Ты назвал свою собаку Шерифом?

– Мне показалось, что это остроумно, – Арчер встал и бодро захлопал в ладоши. – Вставайте, поднимайтесь, мисс Художница. У нас впереди долгая дорога.

Брайер с трудом поднялась на ноги, стеная от боли, потому что каждая мышца в ее теле напоминала девушке о том, что она вчера упала с дерева. Брайер плохо спала, поскольку не могла полностью расслабиться в окружении незнакомцев. Она сделала несколько нетвердых шагов.

Арчер насмешливо изогнул темную бровь.

– Я так понимаю, ты не ранняя пташка.

Она проворчала что-то неразборчивое в ответ.

– Не обращай на него внимания, – сказала Джемма, направляясь к ним с двумя дымящимися кружками.

Брайер уловила запах крепкого чая.

– Большую часть времени он невыносимо жизнерадостен, но по утрам это особенно бесит.

Брайер с благодарностью приняла чай. Морщины на лице Джеммы в утреннем освещении казались чуть глубже, чем при свете костра. В густых светлых волосах женщины мелькали серебряные пряди. Брайер предположила, что ей было около сорока пяти.

– У нас есть километры, чтобы их преодолеть, люди, которых нужно ограбить, и леди, которых нужно спасать, – сказал Арчер. – Чему тут не радоваться? Пойдем, Шериф. Я вижу,

что на этих двоих не стоит тратить наше с тобой обаяние.

Брайер и Джемма сонно улыбнулись друг другу и стали потягивать чай, в то время как Арчер неспешно направился к Нату и Лью, которые крепко спали у кострища. Брайер чувствовала себя немного неловко рядом с женщиной, которая больше походила на добродушную библиотечаршу, нежели на гениального стратега шайки воров.

– Мы сможем подыскать тебе какую-нибудь рубашку в запасах Лью, – сказала Джемма, поправляя на плечах свою красную шаль. – На данный момент твоя немного бросается в глаза. Я могу дать тебе одну из своих юбок сегодня вечером.

– Спасибо, – Брайер потеряла пятна краски на одежде, к которым прилипли кусочки сухих листьев. Повязка на ее руке выглядела так же ужасно, но она не стала ее развязывать. Девушка пошевелила запястьем и поморщилась.

– Если застанешь Эстебана в хорошем настроении, он поможет тебе его вылечить, – сказала Джемма.

Брайер посмотрела на тощего человека, который в данный момент пинал землю своими на удивление искусно расписанными сапогами из натуральной кожи и с серебряными шпорами. Рукава черного плаща мага полностью скрывали его татуировки.

– А заклинание разве не будет отслежено?

– Сегодня весь день мы проведем в пути, – ответила Джемма. – Затерявшееся в лесу целительное заклинание не

навредит нашему плану. Эстебан всегда осторожен.

– Спасибо.

– Не стоит благодарности, – сказала женщина. – О, и не делай ничего, что может помешать его работе, иначе я собственноручно перережу тебе глотку.

Брайер застыла.

– Прошу прощения?

– Я доверяю этим оболтусам свою жизнь, а тебя я не отличу от королевы, – Джемма продолжала мило улыбаться. – Если ты не намерена стараться изо всех сил ради блага нашей команды, то тебе лучше уйти прямо сейчас. Другого шанса у тебя не будет. Ты меня поняла?

Брайер уставилась на Джемму, и нечто темное и разрушительное всколыхнулось внутри нее. Как смела эта женщина угрожать ей? Она даже понятия не имела, на что Брайер была способна. Даже самые талантливые художники проклятий со всего королевства разговаривали в свое время с девушкой уважительно. Брайер старалась жить по новым правилам, пыталась не наполнять мир руинами, но она все еще могла заставить Джемму пожалеть о том, что та даже допустила мысль об угрозах в ее адрес. Однако пока Джемма смотрела на нее холодным, словно железо, взглядом, Брайер вспомнила, что шериф Флинн и маг Рэднер все еще охотились за ней. Ей было некуда идти, у нее не было красок и денег. Быть художницей проклятий и при этом не вредить людям было намного сложнее, чем Брайер предполагала. Ей

нужно было бы создать сотню мелких проклятий, чтобы заработать хотя бы малую часть тех денег, что ей предлагали вору. Миссия Арчера была шансом реально помочь кому-то и неплохо заработать для того, чтобы снова начать жить с чистого листа. У Брайер не было иного выбора, кроме как согласиться на предложенную ей работу, после чего она решила, что распрощается с шайкой и их угрозами.

– Поняла, – она ответила Джемме, имитируя ее холодную улыбку. – Мне помыть кружки перед тем, как мы начнем собираться?

Арчер уже закончил будить остальных, и они начали разбирать лагерь, ворча на ранний час. Несмотря на жалобы, нарушители закона запрягли лошадей и погрузили на животных вещи так быстро и эффективно, как это свойственно тем, кто часто переезжает с места на место. Солнце едва показалось из-за верхушек деревьев, когда шайка покинула спрятанную в чаще поляну, заложила вход в тоннель ветками и отправилась в путь.

Утром лес казался менее зловещим, чем накануне ночью. Сквозь листву деревьев пробивался свет, над головой путников пели серенады птицы. Из-под копыт лошадей поднимался запах теплой почвы, раздавленных папоротников и сухих сосновых иголок. Во время пути Брайер держалась немного в стороне от остальных и размышляла о предстоящем испытании. Иллюзия Беладонны и замок Марин были довольно сложной магией, и разрушить подобного рода чары будет

нелегко. Должно быть, кто-то очень сильно не хотел, чтобы леди Мэй сбежала.

В голове Брайер начали формироваться идеи проклятий уже в тот момент, когда воры дали ей описания защитных заклинаний замка Ларк. Художница обдумывала все возможные варианты по мере того, как их группа углублялась все дальше в Чистый лес. Девушка представляла мазки в разной последовательности, сравнивая возникающие в воображении картины с воспоминаниями о своих давних уроках и домашних заданиях. Пальцы Брайер покалывало от перспективы поработать с такой серьезной магией.

Брайер изучала проклятия с тех пор, как стала достаточно взрослой, чтобы удержать в руке кисть. Магия была ее второй натурой, и рисовать что-то без магических свойств для девушки было по-настоящему трудно, но необходимо, чтобы иметь возможность замести за собой следы. Родители Брайер чрезвычайно гордились талантом дочери и тем, как ловко она могла порвать весь мир в клочья. В конце концов, за родительскую поддержку и одобрение Брайер пришлось поплатиться. Она содрогнулась, вспоминая о своих самых ужасных проклятиях, которые она рисовала по их указке и которые заставили ее осознать, что она не хочет участвовать в подобных делах. Цвета смешивались и менялись у Брайер перед глазами: костный уголь, свинцово-оловянный желтый, индиго, умбра. Так много разрушений и потерь... Так много кошмаров... Брайер хотелось, чтобы изменить сущность ей

было так же легко, как сбежать от своей прошлой жизни.

Кто-то откашлялся позади, и Брайер оглянулась. Маг Эстебан прищипорил свою тощую черную кобылу и поравнялся с девушкой.

– Джемма говорит, у тебя травма.

– А, да.

Брайер бросила взгляд назад, и Джемма одарила ее лучезарной улыбкой. Джемма ехала рядом со своим широкоплечим рыжебородым мужем Лью, который казался добрым и скромным, как деревенский трактирщик.

– Я вывихнула запястье, когда упала с дерева.

– Давай его сюда.

Брайер наклонилась в сторону из седла и позволила старому магу размотать грязные тряпки. За ночь ее запястье распухло, и девушка закусил губу, когда Эстебан стал тыкать пальцем в ее опухшую плоть и порезы на ладонях. Запястье Брайер резко вздрагивало в руке мага с каждым шагом их лошадей.

– А это не может подождать до того момента, как мы остановимся? – спросила художница, и ее глаза начали наполняться слезами.

– Будет лучше, если сделаем это на ходу. Остаточные следы магии будут так менее заметны, – Эстебан поднял тонкую руку, показывая выцветшие татуировки. Сведения обо всех заклинаниях, которые он когда-либо претворял в жизнь, отправлялись к властям через заклятие на его татуировках.

– Вы ведь маг голоса, верно? Что...

– Тихо, – Эстебан сосредоточился на запястье Брайер, и его взгляд затуманился. Маг ткнул пальцем в ее плоть, ведя вниз линию по наиболее опухшему участку. После этого он сделал глубокий вдох и запел.

Маги голоса пели не всегда. Слова обладали великой силой, и многие практикующие маги довольствовались тем, что выкрикивали инструкции и ожидали от магии подчинения. Рэднер, маг голоса с прилизанными волосами, который вместе с шерифом Флинном появился на пороге дома Брайер, был одним из таких магов. Он полностью отделил слова от красоты.

В своей прошлой жизни Брайер знала магов голоса, которые работали в разных стилях, однако ни у кого из них не было настолько же красивого и печального голоса, как у Эстебана.

В звучащей песне отсутствовали слова, лишь плавная череда слогов, которые лились из горла мага в убаюкивающем припеве. Всего за несколько секунд синяки и порезы на теле Брайер исчезли вместе с накопившейся усталостью. Высокие и низкие ноты сменяли друг друга в самой прекрасной мелодии, которую Брайер доводилось когда-либо слышать. Голос Эстебана был настолько завораживающим, что художница едва заметила, как порванные связки на ее запястье срослись вместе.

Весь лес затих, слушая песню мага. Птицы умолкли, и да-

же ветер будто бы застыл среди листвы. Когда голос мага постепенно смолк, на лицах остальных воров расплылись безмятежные улыбки, а глаза Лью блестели от слез. Брайер была не единственной, кто ощутил красоту и магию песни.

– Ну что? Сойдет? – спросил Эстебан, и его обычный голос прозвучал более хрипло, чем обычно.

Брайер пошевелила запястьем, не почувствовав даже намека на боль.

– Идеально, – сказала она. – Ваша работа великолепна! Когда вы...

– Не вздумай снова свалиться откуда-нибудь. Мы не можем позволить себе оставлять следы рядом с нашей главной целью. Если что-то случится в будущем, будешь ходить с травмами, – Эстебан ударил пятками своих искусно отделанных сапог по бокам лошади и оставил Брайер позади.

– Не обращай на него внимания, – сказал Нат, занимая место рядом с Брайер. – После заклинаний он всегда не в духе. Говорит, это отнимает у него много сил. – Мальчик глубоко вдохнул лесной воздух, и его лоскутная куртка натянулась на его округлых плечах. Нат улыбнулся Брайер своими кривыми зубами. – А я вот чувствую себя просто потрясающе.

Остальные тоже выглядели более энергичными, как будто в песне было так много целительной силы, что ее хватило не только на одну травму. У всех членов банды исчезли синяки под глазами, как исчезла и царапина, которую Брайер заметила вчера на щеке Ната.

Брайер не могла не позавидовать магу голоса. Каким бы ворчливым он ни был, Эстебан обладал настолько сильной магией, что она казалась почти осязаемой. Ну почему Брайер не родилась с таким же талантом к исцелению или хотя бы со способностью писать не очень понятные, но точные пророчества, как это делали предсказатели судеб? Почему она умела только разрушать?

Нат пустил лошадь рысцей и направился к Лью, стараясь держаться подальше от Эстебана. Старый маг сгорбился в седле, став похожим на сердитого стервятника в дорогах сапогах.

– Он хорош, да? – спросил Арчер, ровняясь с Брайер. Его расстегнутая куртка цвета индиго была накинута поверх поношенной белой рубашки. Юноша ехал на том же гнедом жеребце, что и вчера. Это был конь с длинными ногами и с пятнышком на лбу, которое выглядывало из-под гривы.

– Я никогда ничего подобного не слышала, – сказала Брайер. – Откуда он?

– Я нашел его в таверне в Меловом Порту. Он довольно долго бродяжничал, и, если мне не изменяет память, ему нужен был человек, по чьей указке он мог бы действовать.

– И как он помогает вам воровать?

Арчер подмигнул ей.

– Скажем так: Эстебан знает больше одной песни. Но из-за лицензии мы должны с осторожностью пользоваться его силой.

– Есть ли способ избавиться от лицензии?

– Я не знаю ни одного, – Арчер посмотрел на нее; его непослушные светлые волосы развевались на ветру. – Полагаю, ты не можешь проклясть его татуировки таким образом, чтобы они исчезли?

Брайер нахмурилась. Ни она, ни ее родители никогда даже не задумывались о том, чтобы получить лицензию, поэтому Брайер в принципе знала про татуировки магов немного. Художники проклятий редко работали прямо на человеческой коже, ведь их жертвы обычно не сидели неподвижно достаточно долгое время.

– Я подумаю об этом. Мне кажется, такого вообще никто никогда не делал.

– Не похоже, что тебя это может остановить, – Арчер улыбнулся. – Тебе нравятся сложные задачи, разве нет?

– Зависит от гонорара.

Улыбка Арчера стала шире.

– Вот это другой разговор. Мне кажется, мы с тобой в скором времени найдем общий язык.



Дружная шестерка (семерка, если считать пса Шерифа) двигалась через лес по хорошо знакомому шайке воров

маршруту, выбирая скрытые дорожки и оленьи тропы, чтобы не быть замеченными на главной дороге. Их пункт назначения – Грязерынок – находился на окраине леса в трех днях пути от деревушки Спэрроу и Хрустальной реки.

Лес полнился щебетом птиц и шорохом, которые издавали скрытые в зарослях лесные обитатели.

Душная жара, свойственная концу лета, иногда сменялась прохладными порывами дыхания приближающейся осени. Лью, время от времени, отделялся от группы, низко натянув широкополую шляпу на рыжие волосы, и возвращался с тушками белок и кроликов, которые запасал к ужину. Он также собирал грибы и орехи, чтобы разнообразить рацион, наполняя в течение дня мешок, висевший у него на седле, а ночью все это закидывал в котелок. Все в шайке по очереди несли дежурство, чтобы вовремя заметить погоню или крупных животных, бродящих в темноте.

Банда Арчера была не совсем такой, какой Брайер ее себе представила в тот момент, когда юноша возник у нее на пороге и грозился в случае отказа сдать ее шерифу. Девушка внимательно наблюдала за всеми во время их трехдневного путешествия. Судя по всему, ее спутникам нравилось находиться в обществе друг друга и вести приятные беседы, проходя через лес.

Брайер старалась не поддаваться духу товарищества. У нее не было за душой даже одной-единственной баночки с краской, и в окружении незнакомцев девушка чувствовала

себя незащищенной. Воры казались ей довольно дружелюбными, но Брайер была уверена, что они, в самом деле, пере-режут ей глотку, если только она посмеет перейти им дорогу. Каждую ночь девушка спала на самом краю лагеря и была готова в любой момент в случае опасности сорваться с места и бежать без оглядки. Брайер понимала, что внимания властей ей будет проще избежать, находясь среди членов шайки, но это было лишь до того момента, пока она не обзаведется новыми красками.

Со дня своего приезда в графство Барден Брайер была в Грязерынке три раза, и каждый раз она приезжала туда за одним и тем же редким пигментом. Городок Грязерынок находился на пересечении двух главных дорог (точнее, на пересечении того, что именовалось дорогами в этих отдаленных частях королевства) и был расположен всего в одном дне езды от реки, разделяющей земли Ларка и Бардена. Обычно на этих двух дорогах людей встречалось почти столько же, сколько встречалось в тихих переулках родного города Брайер, однако по ним проезжало достаточное количество экипажей, чтобы местное поселение смогло получить статус довольно крупного торгового узла, а разбойникам, судя по всему, было чем поживиться.

– Помнишь, как мы прошлой весной ограбили в этих краях карету какого-то вельможи? – спросил Нат у Лью в утро того дня, в который они предположительно должны были добраться до Грязерынка.

Они разбили лагерь на уединенной поляне рядом с большим дубом, ствол которого был полым изнутри и использовался для склада припасов. Брайер завтракала с двумя широкоплечими членами банды, которые делились рассказами о своих былых подвигах, пока солнце поднималось над дубом.

Лью вздохнул.

– Я никогда прежде не видел столько дорогого шелка, – он поправил свой потрепанный коричневый жилет и похлопал себя по карману, в котором хранил записную книжку. – Только вот та дама кричала, как белуга, когда мы снимали с ее шеи драгоценности.

Нат широко улыбнулся, демонстрируя свои кривые зубы.

– Кажется, она кричала даже громче Эстебана, когда я засунул ему в постель змею.

– Не напоминай мне, – простонал Лью. – Мои уши до сих пор болят после этого.

– А что вы сделали с драгоценностями той дамы? – спросила Брайер.

– Продали, а выручку поделили, за минусом того, что оставил Арчер, – ответил Нат.

Лью приподнял шляпу и отправился к лошадям, в то время как Нат остался с Брайер, которая допивала свой чай. За последние несколько дней сутулый парнишка часто ездил рядом с ней, и девушка не могла не заметить первые признаки его юношеской влюбленности. Вероятно, из-за рода своей

деятельности он не часто знакомился с юными девушками. Нат был слишком молод для Брайер, однако она была достаточно благоразумна, чтобы воспользоваться его интересом к ней с целью узнать побольше о шайке и ее загадочном лидере.

– Нат, что ты имел в виду под «за минусом того, что оставил Арчер»? Ему полагается бо́льшая доля, чем остальным?

– Нам всем положена равная доля, но Арчер приберегает еще одну часть на нужды команды. Он у нас чертовски организованный, всегда говорит про инвестиции и тому подобное, – Нат горделиво выпятил грудь. – Вот что бывает, когда тебе попадается образованный главарь банды.

– И где же он получил образование?

– Не знаю, – ответил Нат. – Джемма, кажется, была его учителем или кем-то вроде этого. Они знают друг друга дольше, чем остальных из нас.

Брайер обратила внимание на богатый словарный запас Арчера, однако он мог нахвататься умных слов от тех вельмож, которых грабил. Акцент юноши было трудно определить. Иногда он говорил так, будто мог оказаться сыном преуспевающего купца, а иногда так, будто вырос на рыбацком судне в Меловом Порту.

Брайер наклонилась поближе к Нату.

– Где ты с ними познакомился?

– В Грязерынке. Я пытался начать заниматься преступными делами, понимаешь. Это намного лучше, чем растить

свиней где-то на границе.

– И ты просто ходил по окрестностям и спрашивал, не нужны ли шайкам воров новые подручные?

– Не совсем. Арчер поймал меня, когда я пытался залезть к нему в карман, – Нат улыбнулся, вспоминая прошлое. – Я думал, он меня зарежет прямо посреди улицы, но затем Арчер вдруг говорит: «Мне кажется, ты довольно предприимчивый парень. Не хочешь устроиться ко мне на работу?» А я ему отвечаю: «Я даже не знаю, что означает “предприимчивый”, но если ты научишь меня парочке трюков и пообещаешь не перерезать мне глотку, то я согласен». На что Арчер говорит: «Это вот было весьма предприимчиво. Ты в деле».

– Сколько тебе было лет?

– Мы встретились года два назад, так что четырнадцать, – Нат потянул за нитку, выбившуюся из его лоскутной куртки. – Самому Арчеру не больше двадцати, как я думаю, но он всем говорит, что ему двадцать четыре. Я видел его еще тогда, когда он почти не брился, так что мне-то лучше знать правду.

Брайер налила себе еще одну чашку чая, пытаясь уложить в голове новую информацию.

– Почему он за главного, а не Джемма или Лью?

– Поначалу я тоже задавался этим вопросом, – ответил Нат. – Ты скоро все сама поймешь. Джемма умная, но и Арчер не дурак. К тому же, у него есть особого рода чутье, как мы это называем.

Брайер хотела уточнить, что Нат имеет в виду, но затем поняла, что в этом нет необходимости. Кем бы на самом деле ни был Арчер, он создавал впечатление человека, который знает, что делает. Независимо от того, что двигало им, будь то жажда приключений, денег или желание испытать себя, Брайер не сомневалась, что Арчер ясно представлял себе свою цель.

– А Лью?

– Насколько мне известно, Лью бы предпочел пахать землю в родном Твикенридже, чем отнимать то, что заработали другие, но он ни за что не оставит Джемму. К тому же, он хорош, когда дело доходит до драки.

– А вы часто деретесь?

– Больше, чем должны, и меньше, чем нам хотелось бы, – сказал Арчер, внезапно возникнув между ними и заставив Брайер подскочить от неожиданности.

Она даже не знала, что Арчер подошел так близко. Он казался очень высоким, нависнув над ними.

– Нат, иди и поговори с Джеммой. У нее есть список вещей, которые нужно взять на рынке. Мы все пойдем по отдельности, чтобы не привлекать внимания.

Нат вскочил на ноги.

– Конечно, босс.

– И, Нат?

– Да?

– Не обсуждай мои дела без моего разрешения, – Арчер

намеренно повернулся к Брайер, чтобы они вдвоем поняли, что он подразумевает под своими словами. – Особенно с незнакомыми людьми.

– А она разве теперь не одна из нас?

– Нет, – отрезал Арчер. – Она сама сказала, что не собирается присоединяться к нашей шайке. Тебе бы не помешало помнить об этом.

Щеки Ната покраснели.

– Такого больше не повторится, босс.

Парнишка виновато пожал плечами в сторону Брайер и поспешил к Джемме, которая возилась с полудюжиной маленьких кошельков с по- звякивающими монетами.

Арчер, как ни в чем не бывало, присел на корточки рядом с Брайер. Девушка чувствовала, как внутри у нее все трепещет подобно крылышкам мотыльков в свете свечей. Она не могла понять, сердился ли Арчер на нее за попытки покопаться в его прошлом.

– Ты пойдешь вместе со мной к этому твоему продавцу красок, – сказал Арчер.

– Я думала, что мы все идем по отдельности, чтобы не привлекать внимания.

– Если что-то пойдет не так, все остальные штуки мы можем найти в других городах, но не эту твою краску из улиток. Ты ведь без нее не сможешь создать проклятие, верно?

– Верно.

– Тогда я пойду с тобой, чтобы убедиться, что эта краска

у нас будет.

Брайер нахмурилась.

– Я могу пойти од...

– Я тебе не доверяю, – сказал Арчер.

– Конечно, не доверяешь, – Брайер невольно потянулась к своей сумке с красками, которой при ней не было. – Ты даже не пытаешься это скрыть.

– Так и есть, – брови Арчера, которые были намного темнее его светлых волос, сошлись на переносице, а в его голосе зазвучали угрожающие нотки. – У Ната добрые намерения, но он самый младший член нашей банды. Даже если ты расположишь его к себе, это не спасет тебя, если остальные решат, что ты представляешь для нас опасность.

– Я понимаю.

– Хорошо. Итак, – продолжил Арчер тоном, который больше подошел бы для разговора о погоде или ценах на рыбу, – как думаешь, с какими проблемами мы можем столкнуться в Грязерынке? Есть ли люди, которые могут тебя узнать или что-то подобное?

Брайер начала отбивать пальцами ритм по жестяной кружке, задумавшись о том, какой именно информацией поделиться с Арчером.

– Я была там несколько раз, но единственным человеком, с которым я говорила, был поставщик красок.

– Он знает о твоей профессии?

– Он продает краски. Он знает достаточно.

– Ему можно доверять?

Брайер встретила с Арчером взглядом.

– Я доверяю ему больше, чем доверяю тебе.

Арчер замолчал на некоторое время, после чего поправил колчан со стрелами, который висел у него на спине.

– Если ты планируешь сбежать, то я предлагаю тебе сделать это сейчас. Если ты решишь сделать это на рынке, рискуя привлечь к нам внимание, мне придется тебя убить.

Арчер продолжал говорить со свойственной ему беспечностью, но Брайер чувствовала, что его слова – не просто слова. Свои угрозы Арчер прикрывал любезностью, как и Джемма. Однако Джемму Брайер боялась больше Арчера.

– Я не собираюсь убегать, – спокойно сказала она.

– Уверена? У тебя есть возможность сделать это без каких-либо неприятных последствий, если ты воспользуешься ею сейчас.

– Пустые слова.

– Вот и нет. Я не хочу, чтобы в моей команде был человек, который не готов полностью посвятить себя миссии, – рот Арчера изогнулся в полуулыбке. – И мне не хочется убивать так же сильно, как этого не хочется тебе.

Брайер с удивлением обнаружила, что верит ему. Она внимательно изучала жестяную кружку, водя пальцами по незамысловатой гравировке и раздумывая о том, стоит ли ей воспользоваться представившейся возможностью уйти. Ей очень не хотелось становиться еще хуже, чем она была, ко-

гда впервые оказалась в графстве Барден. Несмотря на угрозы и множество секретов, предложенный Арчером гонорар за работу был слишком хорош, чтобы от него отказываться, особенно сейчас, когда Брайер лишилась всего.

К тому же, она очень хотела проверить, получится ли у нее разрушить сложные заклинания других магов.

– Я сдержу свое слово, – наконец, сказала Брайер. – Вам не нужно бояться, что я вас предам.

– Хорошо, – Арчер одарил Брайер широкой искренней улыбкой, и на краткий миг девушка забыла обо всех опасностях и угрозах. Ее пальцы дернулись, как будто бы в попытке начать рисовать что-нибудь волшебное.

– Ну, тогда тебе лучше сходить к Джемме, – сказал Арчер, вскочив на ноги. – Она подготовила для тебя ребенка.

Брайер уронила свою жестяную кружку.

Глава 6

Арчер направлялся к Грязерынку, держа под руку Брайер. На нем была надета широкополая шляпа Лью, надвинутая достаточно низко, чтобы спрятать глаза и укрыть его от яркого полуденного солнца. Летняя жара все еще держала свои позиции, от чего шерстяная грубая одежда Арчера была для него слишком теплой. На поясе у юноши висел простой рабочий нож, а вот лук и колчан он оставил в лагере. По правде говоря, без них он чувствовал себя в некотором смысле голым. Маскировку Арчера завершала зажатая между зубами травинка.

Шедшая рядом с ним Брайер прятала под подолом выцветшего голубого платья сверток с одеждой, и со стороны это выглядело так, будто бы она была, по крайней мере, на восьмом месяце беременности. Ее густые волосы были собраны в тугий пучок, а ее ковыляющая походка была весьма убедительной. Вместе с Арчером они были похожи на молодую пару, которая направлялась в город за покупками, которые нужно было совершить перед появлением на свет ребенка.

– Я не понимаю, зачем мне притворяться беременной, – пробурчала Брайер. – Я могла бы идти быстрее, если бы мне под одежду не напихали еще кучу всякой ткани.

– Но ты так хорошо вошла в роль, – Арчер погладил ее по

руке, имитируя, как ему казалось, манеры заботливого мужа. — К тому же, нам не следует торопиться. Деревенский люд ведет себя нерасторопно в Грязерынке. Мы же не хотим привлекать к себе внимание.

— О каком таком внимании ты вообще беспокоишься?

— За наши головы назначена награда, ведь мы ведем себя довольно дерзко. За твою голову тоже, скорее всего, к этому моменту назначили, но никто ведь не ищет молодую мать.

Брайер посмотрела на него снизу вверх из-под своих длинных ресниц.

— Вы и раньше так делали?

— Мы пытались, но накладной живот на Нате выглядит не так убедительно.

Они замолчали, когда к ним на пыльной дороге, ведущей в город, присоединилась пара фермерских рабочих, приветствуя их осторожными кивками. Арчер кивнул в ответ, притягивая Брайер поближе к себе. Он внезапно обнаружил, что не имеет ничего против ее теплого тела рядом с собой, несмотря на знойный день.

Справа от них возвышалась самая северная часть Чистого леса, а слева широкой золотой полосой тянулись ячменные поля. Ячмень вырос высоким и пышным, и уже был готов к жатве. Многие фермеры отправляли своих рабочих в Грязерынок, чтобы в последнюю минуту продать остатки прошлогоднего урожая прежде, чем начнется новый сезон жатвы. Маленький городишко, расположенный между лесом и

полями, уже был полон шума и суеты. В последний раз Арчер бывал в Грязерынке почти год назад, но этот городок был одним из тех мест, где все оставалось неизменным.

– В каком трактире ты обычно останавливаешься, когда бываешь здесь? – спросил Арчер, когда рабочие оказались вне зоны слышимости.

Брайер замялась.

– В «Шмеле».

– Классика, – хохотнул Арчер.

– У меня было мало денег.

– Давай тогда снимем комнату в трактире «Окна».

Брайер застыла, и ее хватка на рукаве куртки Арчера стала крепче.

– Нам нельзя этого делать.

– Мы не останемся на ночь, – он снова погладил ее по руке, надеясь, что девушка не сорвется с места и не удерет от него. – Тебе нужно дать своим отевающим ногам отдохнуть, перед тем как мы отправимся в Грязерынок. Это первое, что бы молодая пара вроде нас сделала после долгого пути, учитывая твоё положение.

Арчер понятия не имел, насколько его слова были близки к истине, но у него были свои причины на то, чтобы сделать остановку.

– Я имела в виду то, что нам нельзя идти в трактир «Окна», – Брайер понизила голос, когда они дошли до каменного постамента, который стоял на въезде в город и возле ко-

торого бродили несколько местных сторожей, досматривавших вновь прибывших. – Когда я была здесь в прошлый раз, я его прокляла. У каждого четвертого входящего туда через главный вход случается понос.

Арчер подавился травинкой, которую жевал.

– Довольно неприятное проклятие.

– Все проклятия неприятны.

– И все же, чем тебе не угодил этот трактир?

– Ничем. Это была просто работа, – Брайер посмотрела на него снизу вверх вспыхнувшими от ярости глазами. – Но хозяин заведения всегда приставал к служанкам, когда приезжал с проверкой. Теперь он предпочитает не приезжать, и его бизнес загибается.

– Я тебя не осуждал, – сказал Арчер, удивленный ее ядовитым тоном. – И, кстати, ты мне сказала, что говорила лишь с продавцом красок.

Взгляд Брайер метнулся в сторону, словно в поисках путей к отступлению. Он и не думал, что настороженность девушки была вызвана не страхом, а тем, что она тщательно обдумывала, стоит ли ей во что-то ввязываться или нет.

– У меня есть право не разглашать некоторые из своих секретов.

– Справедливо, – Арчер решил не требовать от Брайер дальнейших объяснений. Им нужно было сделать так, чтобы день прошел без сучка без задоринки. Тот факт, что он взял с собой в город художницу, уже сам по себе был большим

риском. – А разве трактирщик не заметил закономерности у болезни?

– Заметил, но, насколько мне известно, никому не удалось найти проклятие. Я нарисовала его в неприметном месте.

– Не хочешь рассказать мне по секрету?

На губах у Брайер заиграла слабая улыбка.

– Оно находится на внутренней стороне половицы, которая лежит за барной стойкой. При помощи маленького проклятия я усыпила бармена, потом отковыряла половицу и нарисовала на ней основное проклятие, после чего вернула ее на место.

– Умно.

– Спасибо, – Брайер погрузилась в задумчивое молчание на несколько шагов, после чего она сказала: – Я не часто рассказываю о своей работе.

– Очень жаль. Похоже, ты делаешь хорошую работу.

– Хороших проклятий не бывает, – Брайер нахмурила брови. – В этом вся проблема.

– В таком случае, ты делаешь свою работу умело, – Арчер дружелюбно толкнул ее плечом, но девушка не улыбнулась ему в ответ. Он начинал понимать, почему Брайер так тщательно подходила к выбору своих клиентов. Она хотела быть высоконравственным художником проклятий. Как же сложно ей приходилось по жизни! Арчер не был уверен, что проклятия и мораль вообще совместимы. К примеру, даже то проклятие, нацеленное на хозяина трактира, имело нега-

тивные последствия для клиентов, а работники заведения в скором времени вообще могли лишиться работы. Брайер поставила перед собой очень трудную задачу.

Они продвигались все дальше в город, и грязные улицы вокруг них оживали. Кругом вились суетливые фермеры и нетерпеливые ремесленники, лоточники и зеваки, а также разные торговцы. Грязерынок получил свое название от тянущегося в городке крытого рынка, расположенного на берегу узкой развилки Сладководной реки. Река была границей между территориями Бардена и Ларка, и некоторые полагали, что расположение развилки делает город частью земель Ларка. К счастью для Арчера и ему подобных, непрекращающиеся споры о юрисдикции не давали властям покоя, делая, таким образом, Грязерынок отличным местом, где можно было пренебрегать законом.

Присущая окончанию лета суета увеличила население города в три раза. Многие приезжие были честными, трудолюбивыми рабочими, которые рассматривали толпу широко открытыми глазами и намеревались влить в себя алкоголя на год вперед, прежде чем вернуться на свои отдаленные от остального мира поля. Мириады отвлекающих факторов Грязерынка делали вновь прибывших сельских жителей легкой мишенью, хотя Арчер не любил красть у тех, у кого особо нечего было красть. В общем и целом, его не мучили угрызения совести, когда дело касалось воровства (это был бы неправильный подход по отношению к карьере вора), од-

нако он предпочитал воровать у богатых людей с нежными руками и тяжелыми кошельками. Они представляли собой более интересные мишени, ведь у них была охрана и полные монет сундуки.

Внезапно Арчер узнал тучного торговца, которого когда-то остановил на дороге за городом. Торговца окружало как минимум шесть вооруженных охранников, пока тот неторопливо направлялся прямо навстречу Арчеру и Брайер. Юноша тут же увел художницу в один из переулков.

– Как ты усыпила бармена в трактире? – спросил он, пока они шли по переулку, где располагалась конюшня, от которой разило навозом. – Неужели он позволил тебе нарисовать ему что-то на руке?

– Я использовала обрывочное проклятие.

– Чего?

– Я их так называю, – пояснила Брайер. – Можно взять и нарисовать проклятие на чем-нибудь вроде кусочка ткани или камня, а потом дотронуться этим предметом до жертвы, чтобы на нее подействовала магия. Это называется Законом Территориальной Близости.

Арчер бросил взгляд назад, однако тучного торговца больше не было видно. Юноша вывел Брайер из переулка на соседнюю улицу.

– Я не знал, что у проклятой живописи есть законы.

– Их три, – сказала Брайер. – Закон Территориальной Бли-

зости – это второй закон. Согласно ему, проклятие, нанесенное на предмет, может влиять на любого человека, который вступит с этим предметом в прямой контакт за исключением самого художника. Также существует Закон Целостности – проклятие, нанесенное на предмет, действует на него всегда, независимо от того, сохраняет ли предмет свою целостность, и Закон Резонанса – проклятие, нанесенное на предмет, имеющий эмоциональную значимость, может влиять на человека на расстоянии.

– Эмоциональную значимость?

– Именно. Закон Резонанса самый мощный из трех. Если до кого-то дотронуться каким-нибудь случайным проклятым предметом, то это будет иметь не такой сильный эффект как, скажем, проклятие, нарисованное на любимой шляпе этого человека, которое может работать на расстоянии.

Арчер снял широкополую шляпу Лью со своей головы.

– То есть ты можешь нарисовать что-нибудь на этой шляпе, и это повлияет на Лью, который находится на другом конце города?

– Верно, – Брайер дотронулась до тонкой ленты из красного шелка, которая опоясывала тулью шляпы. – Чем сильнее эмоциональная связь – резонанс – между объектом и человеком, тем большее расстояние может быть между ними. Если бы это была рубашка, которую он надевал всего несколько раз и она не имела бы для него особой ценности, то, вероятно, проклятие не сработало бы.

Завороженный, Арчер едва обращал внимание на толпу, пока они пробирались по шумной улице, забитой трактирами и тавернами. Ему было известно, что существует несколько типов магов искусств: художники проклятий, маги голоса и предсказатели судеб. Все они могли творить некоторую общую магию вроде вызывания огня и перемещения предметов, но у их способностей были ограничения. Однако Арчер впервые слышал о существовании трех законов и о том, как много художник проклятий может сделать на расстоянии.

– Получается, эти обрывочные проклятия могут действовать на любой предмет и любого человека при условии, что они соприкасаются?

– Верно.

– А другие люди могут их использовать или только художник проклятий должен дотрагиваться проклятым предметом до жертвы?

Брайер наградила его суровым взглядом, как будто она прекрасно понимала, в каком направлении побежали мысли Арчера.

– Их может использовать кто угодно, но, очевидно, что тебе самому вряд ли захочется прикоснуться к обрывочному проклятию голой кожей, иначе ты проклянешь самого себя. Но если бы я захотела усыпить тебя, но у меня не было бы ничего из твоих вещей, то я могла бы оставить обрывочное проклятие на чем-нибудь, что ты бы обязательно взял в руки.

– Ха, – на лице Арчера медленно расплылась улыбка при

мысли о том, что бы он мог сделать с запасом заранее нарисованных проклятий.

Занятый мечтами обо всех фантастических возможностях, Арчер случайно толкнул широкоплечего молодого человека с комично большими усами – теми самыми усами, которые Нат тщательно клеил себе на лицо этим утром. Вид переодетого члена шайки напомнил Арчеру о том, что они пришли сюда по делам. Он нахлобучил шляпу Лью обратно на голову.

– Давай снимем комнату в «Одуванчике». Или там нам грозят какие-нибудь приступы рвоты?

– Там опасности быть не должно, – сказала Брайер. – По крайней мере, не от меня.

Трактир «Одуванчик» представлял собой ветхое здание, зажатое между двумя более крупными гостиницами, и, похоже, сильно страдал от конкуренции. Лишь четверть столиков в общем зале были заняты даже во время обеда. Трактирщица равнодушно протянула через стол Арчеру и Брайер медный ключ от номера, словно ей было все равно, вернут они его или нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.